

Гайгзин

**ВОСТОЧНЫЙ
КРАЙ**

АЛЕКС ДЕЛАКРУЗ

Варлорд

Алекс Делакруз

Райдзин. Восточный край

«Автор»

2024

Делакруз А.

Райдзин. Восточный край / А. Делакруз — «Автор»,
2024 — (Варлорд)

Удивительно знакомый и в то же время чужой мир. Мир, где не было Второй мировой, и где в 2027 году высокотехнологичные армии и владеющие магией аристократы трех сверхдержав спорят за мировое господство. Там ему было тридцать, здесь нет и семнадцати. Там он был совсем один, здесь сразу же появилась та, кто считает его братом. А еще есть много тех, кто считает что ему лучше «неожиданно умереть». И теперь идти вперед чтобы выжить, побеждать и возвышаться – единственный его возможный путь, начинающийся на восточных рубежах Империи.

© Делакруз А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	30
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алекс Делакруз

Райдзин. Восточный край

Глава 1

Не прошло и недели, как в новом мире у меня, наконец, появилось время спокойно осмотреться вокруг. Да даже просто выдохнуть без аврала и паники – впервые с того момента, как после удара молнии оказался на поляне ритуала.

Никто меня не хотел убить (прямо сейчас), не держал ментальной привязкой, никто по мне не стрелял и не ждал на судьбоносную беседу. Даже можно было со спокойной душой снять маску Ви-блокатора и попить чай с печеньем.

Устроившись с удобством в кабинете своего нового дома, занялся серфингом в местной сети – изучая историю и порядки своего нового мира. Информации сразу свалилось настолько много, что я пока выхватывал главное, не углубляясь. Но даже собирая информацию по верхам, был готов схватиться за голову – настолько удивлялся свалившемуся на меня новому знанию.

Мир, куда меня занесло волей странного незнакомца, оказался внешне красив, но при этом крайне неприветлив. По некоторым оговоркам я об этом, конечно, подозревал, но сейчас полностью осознал, что на этой планете существует жестко структурированное сословное общество, где хорошо живут только подданные и граждане благополучных стран.

В число таких входили государства Большой Тройки: Российской Конфедерации, Британской Империи и Трансатлантического Союза – с неожиданными для меня лидерами в виде Франции и Германии. САСШ, Северо-Американские Соединенные Штаты в местном русском варианте названия, находились далеко на вторых ролях. Даже на мой всесторонне недоразвитый и дилетантский взгляд, будучи явной криптоколонией.

Углубившись в историю, ответ нашел довольно легко: Первая мировая война в этом мире продолжалась на десять лет дольше, чем в моем, и во время нее на полях сражений впервые проявили себя владеющие элементарным даром – *homo deus*, повелевающие стихийной силой. Имя Фредерики Валленштайн, в пятнадцать лет сжегшей файерболом английский танк в битве на реке Сомме, на этой планете знал каждый.

Второй мировой здесь, как я и предполагал ранее, по итогу Первой действительно не было – после распространения одаренных в правящих кругах великих держав не возникло к ней предпосылок. Поэтому стала ясна откровенно второстепенная роль американцев – Штаты не получили преимущества и не оказались в выгодном положении для того, чтобы стать мировым гегемоном. Не случилось в этом мире ни одного из трех китов американского могущества – не было ни доллара, ни флота, ни распространенной по всему миру американской культуры.

Кроме благополучных государств первого мира в этой реальности существовали и колонии, и страны неблагополучные. Более того, здесь были территории, находящиеся вне юрисдикции ООН. Да, Второй мировой в этом мире не случилось, но ООН на смену Лиге Наций пришла.

Вне юрисдикции организации объединенных наций находились протектораты, управляемые международными администрациями или корпорациями. Список участвующих в мировой политике корпораций, являющихся влиятельной силой за пределами границ первого мира, поражал: Ncr.com, МедТех, Ганза, CNT, Байер, Royal Duch, British South Africa Company, Legrand, Total и десятки других. Если некоторые корпорации являлись определенно инструментом правительств стран Большой Тройки – как та же французская «Total», то некоторые –

как Ncr.com, например, на мой взгляд, были серьезной политической силой, со своими зонами влияния и сильными частными армиями.

Постепенно серфинг в сети, смещаясь от геополитики, привел меня к совершенно неожиданным вещам. Как раз сейчас я вдумчиво изучал манеру людей одеваться – ввиду сословного разделения здесь разительно отличалась мода. В первом мире преобладали классические наряды, среди владеющей аристократии – мундиры, с упором на прелесть старины.

Стиль одежды вне стран Большой Тройки больше походил на наряды из фантастических фильмов, которые я видел в прошлой жизни: строгие футуристические костюмы для высоких слоев общества из корпоратов, и совершенно разные, в том числе по-попугайски аляповатые наряды для низких сословий. Кроме того, в порядке вещей здесь были наряды, своей задачей только подчеркивающие наготу. Если в моем мире, например, скромные полоски скотча в качестве наряда считались уделом подиумов высокой моды, то здесь подобный стиль – в порядке вещей, люди так по улице ходят.

Когда понял, что слишком уж долго изучаю тенденции моды протекторатов (пялюсь на демонстрируемые в общественных местах сиськи, если уж по-честному), снова акцентировался на исторических процессах.

По итогу сделал вывод, что пусть в этом мире не случилось Второй мировой, зато здесь происходило гораздо больше локальных войн (хотя куда уж больше). Причем локальные конфликты происходили с участием владеющих даром, поэтому прогресс шагал вперед гораздо быстрее, чем у меня дома. Вот он и ответ всем этим костюмам-призракам, глазным имплантам, бионическим рукам и прочим техномагическим чудесам.

Отдельно обратил внимание, что населения на планете насчитывалось намного меньше, чем у меня дома – сейчас, к двадцать седьмому году третьего тысячелетия, едва подойдя к черте четырех с половиной миллиардов. Полагаю, это следствие того, что немалая часть европейских держав сохранила свои колонии в старом виде, контролируя рождаемость. Да и вообще управляя колониями в традиционном виде, а не в неокOLONIALном режиме выкачивания ресурсов, как это происходило в моем мире – когда у Франции ни одного золотого рудника, а золотой запас тысячи тонн, а в Мали тысяча золотых рудников, но золотой запас отсутствует.

Я смотрел на чужой мир через широкое окно экрана монитора и постепенно понимал, что чем больше комфорта и благополучия забирали себе жители стран Большой Тройки, тем меньше комфорта и благополучия оставалось на долю остальных. И при вдвое меньшей численности населения здесь, в этом мире, лишних людей тут было едва ли не больше, благ на всех не хватало. То, что я сейчас читал и видел в открытых источниках, было очень жестко – моему взору постепенно открывался самый настоящий киберфеодализм во всей своей красе.

Не знаю, кем я был в прошлой жизни. Ни следа воспоминаний, все стерто иезуитским замыслом странного незнакомца; зато при полном отсутствии памяти о себе, со мной остались многие знания. Которые говорят мне, что с развитием истории цивилизации – где бы это ни происходило, богатые всегда богатеют, а бедные беднеют. Это закон жизни, потому что богатство – суть влияние, и богатые люди всегда обладают большим количеством информации и возможностей; они управляют происходящим.

При этом процесс расслоения общества необходимо строго контролировать, потому что в критический момент всегда есть вариант, что большая масса поднимет меньшую на вилы. Не сама, конечно, но богатые элиты тоже не живут в дружбе и согласии, используя различные инструменты для борьбы за влияние. Главное вовремя успеть показать, кого именно нужно на вилы поднимать.

В нашем мире подобные критические границы отодвигали за счет социалки, за счет создания среднего класса – когда людям есть что терять, из теплой и сытой жизни жечь покрышки не пойдешь. Здесь, в гораздо более жестком и недружелюбном сословном мире, очень многим было нечего терять кроме своей жизни и питательных батончиков «со вкусом

завтрака», которым я вчера утром давился. При этом ситуация была гораздо стабильнее. В этом мире не было ни доллара, ни американского флота, ни Голливуда, но имели место быть иные три кита, на которых держалось спокойствие всего второго и третьего мира: базовый безусловный доход, позволяющий получить в принтере брикет «со вкусом завтрака» – как кусок хлеба, а также виртуальная реальность, выполняющая функцию зрелищ. И еще был социальный рейтинг как контроль.

В протекторатах и несuverенных странах в полный рост работали службы социальной адаптации – «адаптанты». В сети, даже в белой, официальной, где я сейчас искал информацию, отношение к ним полнилось скрытой ненавистью. Неудивительно: адаптанты могли практически любого не защищенного сословной привилегией упечь в виртуальную капсулу на полный день, а это означало билет не просто в социальное дно, а изгнание из жизни. Тюрьмы в этом мире уже полностью заменили «капсулы дожития», где преступники отбывали наказания за преступления в самых разных, отнюдь некомфортных условиях.

Причем в условиях поголовного обеспечения населения общегражданскими личными терминалами контроль общества был тотальным. Это у меня есть призрачный вервольф альтер эго, воспротивившийся подобному, а у большинства ведь вся жизнь как на ладони. Нет, подозреваю, конечно, что есть те, кто может обходить ограничения, но думаю, что таких немного.

Кнут в виде адаптантов соседствовал с пряником безусловного базового дохода. Некоторые категории граждан – находящиеся снизу за «зеленой» границей положительного социального рейтинга, имели обязательный временной промежуток, который они были вынуждены находиться в виртуальной реальности. На эту обязанность и было завязано получение безусловного базового дохода – если хочешь получать бесплатный брикет и одежду из общественного прет-а-порте принтера, будь добр провести от четырех до восьми часов в виртуальной реальности ежедневно.

В общем, смотрел на свой новый мир и удивлялся. С одной стороны, появление владеющих даром здесь не заставило старую аристократию со старыми деньгами шагнуть в тень, как это произошло в моем мире. В полный рост наблюдались балы, красавицы, лакеи и юнкера; с другой стороны – на половине территорий планеты здесь царил самый настоящий киберфеодализм. Впрочем, после некоторого размышления я вдруг понял, что одно второе дополняет – в Древней Греции демократия, она же власть народа, тоже была для кого надо демократией – там ведь каждый гражданин имел одного-двух рабов как минимум.

По мере погружения в реалии нового мира догоняли меня и еще удивительные открытия. В моем мире был популярен киберспорт и, учитывая степень распространения виртуальной реальности, я ожидал подобного и тут. Каково же было мое удивление, когда узнал, что киберспорт здесь маргинализирован. Углубившись в вопрос, узнал, что признаться в привычке виртуального времяпровождения на званом обеде будет сродни тому, как рассказать во всеуслышание о привычке мастурбировать в душе по утрам.

Киберспорт распространение имел лишь среди неграждан и обладателей серого социального рейтинга; освещался киберспорт в основном в сером сегменте сети и мельком. Самой распространенной дисциплиной была «Арена» – виртуальная игра, объединившая сразу несколько направлений шутеров полного погружения, где проводились как одиночные поединки, так и соревновательные матчи команд, а также аналоги известных мне королевских битв.

Причем мое удивление вскоре стало все сильнее и сильнее: оказалось, что «Арена», как собрание военно-спортивных соревновательных дисциплин, самые настоящие гладиаторские бои нового времени, пришли в виртуальный мир из реального, где изначально и проводились! Были просто скопированы и перенесены из реальности в виртуальное пространство.

Самую большую популярность в реальном мире приобрела Городская охота – соревновательная военно-спортивная дисциплина Арены, легально признанная во всем мире. По Город-

ской охоте проводили как студенческие, так и профессиональные соревнования, интерес к ней усиливался с каждым годом. Серьезную популярность снискал и кровавый спорт – условно-запрещенный в благополучных странах, но разрешенный на некоторых территориях. Как, например, в немалой части стран и протекторатов Юго-Восточной Азии. Наверное, потому, что именно здесь – в Тихоокеанском регионе, высокие сословия и мир неграждан сосуществовали максимально часто, здесь было очень много самых разных анклавов протекторатов, первый мир с третьим соседствовал повсеместно.

Опять в процессе серфинга в сети я неожиданно набрел на моду. Привычная в протекторатах манера одеваться, или «мода корпоратов» как ее еще называли, строилась в числе прочего на том, что молодежь повсеместно носила элементы костюмов и экипировки для Городской охоты. Как в моем мире для повседневного ношения некоторые используют камуфляжные расцветки или тактические вещи, так и здесь подобное было популярно. С другой стороны – как только что мне напомнила Альбина, здесь есть красные зоны протекторатов, где выход на улицу сопряжен с опасностью для жизни, так что подобная мода имеет смысл.

Свернув с моды вновь на кровавый спорт и погружаясь в изучение вопроса, я уже понимал, что кровавым он называется не зря. Если летальность в Городской охоте была на уровне околонулевых значений, как в гонках Формулы-1 двадцать первого века, то в условно-нелегальных соревнованиях она приближалась к десяти процентам от общего количества участников. Не сильно отличаясь от той же Формулы-1 в шестидесятых и семидесятых годах, когда гонки на пределе скоростей являлись весьма опасным занятием. Впрочем, здесь это мало кого останавливало – и причину, понимая уровень жизни неграждан на неблагополучных территориях, я прекрасно понимал.

Ближе к вечеру, под руководством Альбины, я подключился к «глубокой», нелегальной зоне местной сети. И здесь моему удивлению уже не было предела. Как оказалось, для возможности заработка решает не только массовость: существовало очень много дисциплин кровавого спорта, в которых принимали участие и одаренные. Многие инкогнито, как правило, высокородные. Возможность воскрешения, о которой я уже слышал, и невероятная выживаемость владеющих даже на низком уровне развития дара привлекали любителей риска и славы. В таблице рейтинга участников Восточной лиги Русского покера даже была вполне стандартная статистика учета смертей.

Реальных смертей, ни разу не виртуальных – это у меня в голове по-прежнему никак не укладывалось. Разбираясь со всем этим и впитывая информацию как губка, я даже на ужин (обед и так пропустил) не пошел – передо мной был огромный, новый и неизведанный мир.

Поразительно. Просто поразительно.

Из комнаты меня заставило выйти только сообщение от Альбины, что виртуальная капсула полного погружения готова к использованию. Так-то ее привезли еще днем, выгрузили и распаковали, поставив на втором этаже в одной из пустующих спален. Все без моего участия.

Альбина сейчас сообщила о том, что процесс подключения закончен и теперь требуется мое присутствие. Поднявшись из-за стола, разминая мышцы – целый день просидел в местных интернетах, направился на место действия. В одной из ранее пустующих спален второго этажа, где сейчас разместили капсулу, меня уже ждали.

Здесь была Наоми – гораздо более серьезная и собранная, чем рано утром, а также княгиня Кудашова, сменившая черный с золотом мундир на строгое платье с длинными рукавами и высоким воротом. Кардинальная смена стиля – если черный с золотом мундир выглядел аристократично, то это платье являлось эхом высокой корпоративной моды, какой я ее видел совсем недавно на картинках.

Глядя на Надежду Геннадьевну – ну глаз просто не оторвать, не сразу даже заметил, что в комнате также находится ротмистр Соколов с двумя бойцами. Один из них сейчас, в очках виртуальной реальности, заканчивал настройку капсулы.

Сама капсула виртуального погружения напоминала... капсулу для анабиоза в космическом корабле, как их в фантастических фильмах показывают. Металлопластиковый кокон, поставленный стоймя у стены и полностью закрытый стеклянной крышкой. На панели управления капсулы перемигивались несколько красных и желтых огоньков. Уже закончили перемигиваться – почти сразу после того, как я зашел, все индикаторы засветились зеленым.

Занимающийся настройкой боец снял с себя массивные очки – я мельком обратил внимание на азиатский разрез глаз. Он, кстати, и сидел характерно – «на пятках» эта поза называется. Присматриваться к нему не стал, сразу отвлекся: где-то внутри капсулы раздалось шипение и стеклянные створки открылись.

– Все готово, ваша светлость, – поднялся на ноги боец-азиат, обращаясь к Надежде Геннадьевне.

– Благодарю, – кивнула каваяная княгиня. – Освободите помещение, – произнесла она, обращаясь ко всем присутствующим.

С Надеждой Геннадьевной никто спорить не стал – не задавая вопросов, Наоми и ротмистр Соколов со своими бойцами быстро вышли из комнаты. Я с молчаливым вопросом посмотрел на ее светлость.

– Считается дурным тоном наблюдать за людьми, когда они находятся в капсуле погружения, – пояснила для меня Надежда Геннадиевна.

– Вы тоже выйдете?

– Нет, я же твой навигатор и наставник. Да, можешь считать тренировку начавшейся, а во время тренировок мы переходим на «ты».

– Эм... а как мне...

– Можешь называть меня Надеждой.

– Понял. Вне тренировок мне нужно называть вас «ваша светлость?»

– Если мы вместе окажемся в обществе, либо в присутствии посторонних людей, то да. Что-то не так?

– Почему-то у меня есть ощущение, что во время нашей первой встречи я нарушил общепринятые нормы общения и, наверное, должен у вас просить за это прощения.

Надежда вдруг не выдержала и рассмеялась.

– Долго же шел к этому пониманию... но лучше уж поздно, чем никогда.

Как-то за день, пока я в кабинете просидел, у нее неувовимо изменилось ко мне отношение. Утром смотрела с могильным холодом во взгляде, а сейчас нормальная девчонка, я бы с такой в иной ситуации попробовал познакомиться.

– Не волнуйся, я списала твою бестактность и невоспитанность на удар молнии в голову, – заговорила Надежда, к счастью, не услышавшая моих мыслей. – Маску снимай и раздевайся.

Хм, вот так сразу. Неожиданно.

Впрочем, стесняться я не стал и, сняв маску ви-блокатора, довольно быстро разделся. После чего под взглядом невозмутимой Надежды перешагнул порог капсулы, напомнившей мне при взгляде изнутри душевую кабину в стиле «дорого-богато».

Для ног внизу были специально выделенные синим цветом отметки, на которые я и поставил ступни. Надежда уже что-то набивала на табло меню управления капсулой. Только сейчас, когда она подошла ближе, я заметил у нее на виске прикрепленную таблетку визора. Мы стояли совсем рядом, и я вдруг заметил, как ее взгляд скользнул вниз, но тут же снова поднялся. На щеках у каваяной княгини появился едва заметный румянец. Забавно, краснеет так, как будто что-то там не видела.

А, дело-то не в этом – я ведь теперь тоже имею полное право намекать на «влажные» взгляды, как возможность представиться. Судя по тому, как Надежда жемчужными зубками прикусила нижнюю губу, эхо моих мыслей до нее добралось. Но виду не подала – когда ее каваяная светлость сделала шаг назад и заговорила, голос раздался ровно и бесстрастно:

– Когда створки закроются, капсула начнет наполняться интрогелем. Не паникуй, гель содержит кислородосодержащие перфторуглероды, обеспечивающие жидкое дыхание. Неприятные ощущения испытаеть только при первом вдохе. Даже если что-то вдруг пойдет не так, помни, что я рядом, слежу за твоими показателями и в любой момент могу активировать экстренный выход со сбросом геля.

– Спасибо. Я не волнуюсь.

– Странно, в первый раз все волнуются, – пожала плечами Надежда.

На самом деле я лукавил, конечно – волновался. Но не так сильно, чтобы из-за этого сильно переживать.

– После того, как капсула заполнится гелем, некоторое время будет происходить настройка, спокойно жди. Временной промежуток может занять до получаса – у тебя чистое от имплантов и аугментаций тело, поэтому соединение осуществляется не через нейрошунт, а через твою астральную проекцию, возможность этого мы сегодня так долго и настраивали. В первый раз подобная синхронизация быстро не происходит, будь готов ждать. После активации, когда настройка закончится, ты окажешься в виртуальном пространстве, в аватаре полностью схожем с твоим телом. Это будет первое испытание, хочу просто посмотреть на тебя. Результат не важен, просто будь собой.

– Какие условия прохождения?

– Вооружайся, выходи из укрытия и постарайся добраться до точки выхода.

– Понял.

– Счастливого пути, – кивнула мне Надежда и, не дожидаясь ответа, нажала на большую кнопку старта, находящуюся отдельно от панели.

Сразу же раздалось шипение – створки капсулы сходились, отделяя меня от остального мира. Я дышал ровно и спокойно – до того самого момента, как по внутренней стороне капсулы сверху не начал обильно стекать гель.

«Замуровали, демоны!»

Кратковременная паника поднялась против воли. Пришлось глубоко подышать, успокаиваясь. Получилось почти сразу – тем более, что с обратной стороны Надежда наблюдала за мной, это тоже помогло.

Прозрачный и тягучий зеленый гель постепенно заполнял капсулу. Он был одной с моим телом температуры, так что я не чувствовал ни тепла, ни холода. Минута, и уровень геля поднялся уже выше груди.

Если бы не Надежда с другой стороны капсулы, я бы, наверное, сейчас приподнялся на носках – машинально стараясь отсрочить момент вдоха. Но решил не затягивать – чувствуя, как уровень жидкого геля поднимается до подбородка, зажмурился и опустил голову. Так, что лицо оказалось полностью погружено в гель. Но сделать вдох все не решался. Кислорода мне пока хватало – я около минуты могу с задержанным дыханием находиться. Мог, там – в прошлой жизни. В этой жизни всех возможностей тела даже еще не знаю.

Прошло десять секунд, двадцать – поднять голову обратно было стыдно, но и сделать вдох не получалось. Да была не была – если не получится, гель еще не полностью заполнил капсулу, можно пока выпрыгнуть, откашляться и вдохнуть нормально.

Сделав над собой некоторое усилие, все же разомкнул губы, чувствуя, как гель проникает в рот. И еще через несколько секунд внутренней борьбы сделал первый вдох.

Я дышал!

От осознания этого даже распахнул глаза. Фигура Надежды по-прежнему маячила передо мной. Кавальная княгиня за мной наблюдала, на что я показал ей большой палец. На удивление Надежда ответила мне зеркальным жестом, словно поддерживая. Прикольно. Похоже, во время тренировки она не пытается изображать из себя холодную, опытную и мудрую леди, уставшую от восхищенных взглядов.

Капсула уже полностью заполнилась. Прошла минута, две, три. Ожидание в парящем состоянии залитой колбой интрогеля затягивалось. На исходе пятой минуты – я про себя считал, свет перед глазами вдруг начал меркнуть, а образ Надежды за стеклом темнеть и расплываться. Но не успел я взволноваться, как сверкнула яркая вспышка, и я осознал себя, стоящим в небольшой комнате. Уже не голым – на мне был плотный черный комбинезон с усиливающими вставками. Из мебели в помещении – длинный металлический стол у стены, неподалеку шкафы для оружия.

Стоило мне только на них посмотреть, как дверца одного из них приоткрылась.

– Охренеть! – не выдержал я.

В прошлой жизни я сталкивался с очками виртуальной реальности. Но то, что происходило сейчас, оказалось самой настоящей реальностью – я просто не видел различий между состояниями.

– Шеф, Надежда спрашивает все ли у вас в порядке и как прошло первое погружение.

Голос Альбины раздался так внезапно, что я невольно вздрогнул. Ну да, она же имеет доступ к системе умного дома, капсула подключена в доме, а значит и фамилльяр со мной.

– Я на месте, все в порядке.

– Надежда передает, что вам необходимо вооружиться и через подземную стоянку найти выход из здания.

– Что-то еще?

– Все.

– Прелестно.

– Нет, шеф, оказывается не все. Только что она добавила, что хочет увидеть, как вы действуете в нестандартной ситуации, чтобы вы были к этому готовы.

– Понял, принял.

Странно. Вроде бы совсем недавно все сказала, мол, будь собой и доберись до выхода. Сейчас же вдогонку эсэмэски через Альбину шлет.

Волнуется? Да ну, бред. Посмотреть она хочет, надо же. На меня, в нестандартной ситуации. И вообще, я бы тоже хотел на нее посмотреть... в нестандартной ситуации. Внутри шевельнулось раздражение, показалось еще, что на грани слышимости уловил утробное рычание.

«Так, фу-фу-фу, отставить, я спокоен», – обратился я сам к себе, чувствуя накатывающее раздражение на всех и все вокруг. Не люблю, когда на меня смотрят, как на витрине.

Надежда ведь видит мои психоэмоциональные показатели, не стоит давать ей повод делать выводы обо мне, как об истеричке. Но вообще, блин... Эта виртуальность настолько реальная, что я реально в полном шоке. Не был так удивлен, даже когда про «воскрешение» услышал; тогда ведь просто с чужих слов, а сейчас – наблюдаю нечто невероятное своими глазами.

Ладно, что мне там надо было? Ах да, вооружиться. Отлично. А для чего вооружиться, что меня ждет там, за дверью?

Подышав размеренно, успокаиваясь, я вернул внутреннее спокойствие и прошел вперед, заглянул в оружейный шкаф. Внутри – автомат, немного похожий на АК-12. Цвет только не привычный черный, а серо-болотный. В шкафу обнаружилась и разгрузка с пятью дополнительными секторными – изогнутыми, магазинами.

Подергал остальные дверцы – заперто. Ладно, работаем с тем, что есть. Взял автомат из открытого шкафа, осмотрел. Такое оружие в руках точно никогда не держал.

Отсоединил магазин, выщелкнул один патрон. Что-то совсем незнакомое, явно нечто среднее между привычным 5,45 и 7,62. Посмотрел на донце гильзы – ну да, 6,5×49. Вставил обратно в магазин, посмотрел наличие патрона в патроннике, пощелкал переводчиком огня.

Ход удивительно плавный, лежит под большим пальцем удобно. Режима огня три – автоматический, отсечка по два выстрела, одиночные.

Сделал холостой спуск, воткнул обратно магазин, дослал патрон в патронник, накинуд на себя разгрузку с магазинами, отрегулировал ремни. Ладно, пойдём посмотрим, что нам кавальная княгиня Надежда подготовила.

Вместо одной из стен – ворота, закрытые тяжёлым металлическим роллетом. Никаких кнопок, ручной способ – с потолка свисает цепочка. Потянул, приналег – и с жутким скрежетом створка роллета поползла вверх. Как хорошо и громко, прямо ух! Теперь все вокруг в курсе того, что я собрался совершить ошибку и выйти из комнаты.

Створку ворот поднял едва наполовину – вдруг придется возвращаться, закрыть будет удобнее. Присел, посмотрел. За проемом – просторная и пустая подземная парковка. Освещена довольно слабо, есть темные углы. Машин нет, вокруг лес бетонных опорных столбов с покрашенными в желтый основаниями.

Где выход – не видно, похоже, бродить здесь можно долго. Ладно, что рассиживаться – пригнувшись, вышел из проема. И моментально роллет позади рухнул вниз со скрежетом, перекрывая проход.

– Double Ё! – выругался я, не сдержавшись.

Прелестно, просто прелестно – путь назад закрыт. Бежать вперед без оглядки или идти спокойно и аккуратно? Дилемма. Выбрал третье: безоглядно не помчался, но и тормозить не стал. Быстрым шагом, почти бегом, начал передвигаться от столба к столбу, периодически осматриваясь.

Стоянка оказалась не совсем пуста – впереди увидел несколько машин. Все расстрелянные, некоторые сгоревшие. На столбах, мимо которых проходил, начали появляться выщербленные следы пуль, на гладком бетонном полу черные отметки взрывов. Так, похоже, это какая-то соревновательная карта из виртуального мира Арены, про которую я сегодня так много читал.

Ладно, погнали дальше уже. Тем более что впереди уже вижу выход – разбитые двери колодца в центре зала, внутри которого с трудом просматриваются уходящие вверх траволаторы. В этот момент – как было однажды в больнице, мои чувства многократно обострились. «Шерсть на загривке» снова поднялась, и я услышал цоканье когтей по металлу и бетонному полу. Сразу с нескольких сторон.

«Окружили, демоны!» – машинально подумал я.

Сначала замуровали, теперь окружили – с долей иронии мелькнула мысль. Вот только шутка несмешного юмора оказалась совсем недалеко от действительности: на меня уже, выскакивая из тени сбоку-сзади со спины, бросилась стая собак. Царапающие когтями бетонный пол твари отдаленно напоминали ротвейлеров, но при этом в их облике прослеживались и демонические черты – ни у одного ротвейлера я не видел горящих алым глаз; шкуры тяжелые, это даже не короткая шерсть, а чешуя.

Длинной очередью на весь магазин перечеркнул летящую на меня стаю. Странные твари спотыкались, падали и кувыркались, разбрызгивая черную кровь. Но их было много, больше десятка. Меня магазин, оценил результат – четырех или пятерых убил, еще одна бьется в агонии, оставшиеся разбежались по сторонам.

Ощущение опасности заставило меня обернуться – пользуясь атакой одной группы, на меня – со спины, уже мчалась вторая стая. В этот раз в тишине, безо всякого рычания, в отличие от первой, явно просто отвлекшей внимание.

Еще одна длинная, выбивающая куски плоти и черную кровь очередь, вновь смена магазина – но четыре демонические собаки уже находились рядом, я просто не успевал. Очень захотелось увидеть перед глазами темный экран с надписью: «Игра окончена. Попробовать снова?», но ничего подобного не было.

Своротил прикладом морду одной собаке, тут же почувствовал, как сразу несколько челюстей вцепляются мне в ноги. Виртуальная реальность оказалась мало отличимой от реальности и в ощущениях – больно как в жизни. Руки потянуло тяжестью – одна псина повисла на предплечье, зубы второй заскрежетали по цевью автомата. Я все же успел вставить новый магазин, и сейчас с криком стрелял в мешанину тел передо мной.

Пуль демонические твари не боялись. Как раз сейчас ощутил горячее дыхание в лицо – лишь в последний момент успел прижать подбородок, защищая шею. Еще одна демоническая собака набросилась сзади, так что, не выдержав тяжести, я упал на колени.

Клыки очередной псины вцепились мне в плечо, я почувствовал неприятный смрад. Не выдержав, заорал от боли и ярости, а потом вдруг все поглотила яркая вспышка.

Глава 2

Вчерашний день для Надежды Кудашовой начался сразу после полуночи неожиданным звонком. И оказался очень длинным, плавно перетекая из дня вчерашнего в день сегодняшний без перерыва на сон. За минувшие полтора суток у молодой княгини состоялся ряд самых разных бесед, которые по итогу привели ее в Нагасаки. Сюда, в дом Новицких, где княгиня сейчас расположилась в кресле в углу комнаты и вглядывалась в отображаемую перед взором в визоре картинку, где Дмитрий Новицкий сейчас осматривал взятый в руки АК-55.

Рядом, на периферии зрения в дополненной реальности, маячила фамильяр Новицкого – Альбина, выглядящая как секретарь-референт. Надежда, в первый раз увидев фамильяра, удивилась выбору юноши. Она, особенно учитывая его характеристику, скорее ожидала увидеть не столь строгую леди, а кого-либо из звезд развлекательной индустрии, лицензии на использование образов которых в виде фамильяров продавались повсеместно.

Скорее всего, подумала Надежда, косясь краем глаза на Альбину, все это следствие ритуала, после которого, как она уже поняла, Новицкий начал жизнь с чистого лица. Еще и с видоизмененной внешностью: в карточке личного дела на нее неприятным взглядом смотрел надменный темноволосый подросток, сейчас же она увидела абсолютно спокойного и адекватного беловолосого юношу. С очень странным, никак она не могла более точно его охарактеризовать, взглядом. Взрослым? Мудрым? Насмешливым? Не понять было никак, учитывая сильный и ощутимый фон его интереса к ней как к женщине.

В этот момент Надежда почувствовала некоторое волнение. «Понимаете, вы настолько обворожительно выглядите, что я просто не могу справиться с собой», – при воспоминании об этих словах она почувствовала, как зарождается в груди злость.

Да как он посмел так с ней разговаривать?!

Но кроме злости, было что-то еще. Странное, давно не испытываемое чувство. Надежда успела привыкнуть как к должному, что на нее смотрят с обожанием, страхом, ужасом, с восхищением, опаской и почтением. Ей уже двадцать пять лет, последние шесть из которых – после дарования государыней-императрицей княжеского титула, случайно встреченные люди почтительно называют ее «ваша светлость». А сегодня утром, под спокойным взглядом подсвеченных голубым отблеском глаз крайне невоспитанного Новицкого, владеющая княгиня словно оказалась в таком сейчас далеком прошлом, когда окружающие люди смотрели на нее как на равную и называли все больше Наденькой.

Где сейчас все те люди – вздохнула молодая княгиня с тоской по ушедшей юности. Но тут же вернулась мыслями к Новицкому. За краткое время общения он успел ее разозлить, удивить, взбесить и озадачить. Особенно после того, как Надежда обратилась к темной силе для демонстрации возможностей, и в ответ... не увидела ничего. Новицкий не просто не испугался, он в ходе дальнейшей беседы словно забыл об увиденном.

Разительный контраст с могущественными одаренными, которые, зная о ее природе силы, старались держаться от Надежды подальше. И еще было кое-что, о чем она старательно пыталась не думать: за последние несколько лет она впервые почувствовала искренний и совершенно нескрываемый мужской интерес. Это было необычно.

Усилием отогнав столь странные и неуместные мысли, княгиня Кудашова вновь обратилась вниманием на экран, глядя на разбирающегося с оружием Новицкого. После того, как была сорвана ментальная пломба, сотрудники Третьего отделения обратили пристальное внимание на него и после разработки, проведенной в авральном режиме, накопили довольно много информации. И этот странный юноша, после ознакомления с его личным делом, сначала вызывал у нее только отвращение.

Надежда прочитала в отчетах, как Дмитрий Новицкий после переезда из Нагасаки в Познань попал в компанию «золотой» молодежи, и как по мере взросления жил, все больше наплевав на гражданские правила. Ситуация способствовала, ему все сходило с рук. Почему, теперь стало ясно: с момента прибытия в Познань Новицкий рассматривался как сосуд для создания миньона для наследницы княжеского рода Марии Лещинской. Именно поэтому Андрей Лещинский Новицкого привечал и опекал, вводя в состав своей постоянной свиты, покрывал его различные проступки и даже пару раз выкупал из полиции.

Третьим отделением приоритетной рассматривалась версия о том, что Сэкиро Хиро, опекун Новицких, продал подростка князю Лещинскому, пользуясь информацией о наличии искры в личном деле. Непонятным пока оставалось то, как на место ритуала попала Наоми Новицкая и какое участие в этом принимал опекун. О местонахождении которого до сих пор не было ничего известно – Сэкиро Хиро исчез из посольства в Кобрине, и сейчас его активно искали как имперские службы, так и ведомства Конфедерации.

Ритуал замещения воли Лещинским сорвало то, что наличие малой искры – недостаточной для развития дара владения, оказалось прикрытием истинного статуса Новицкого, его заблокированного дара. О чем ни опекун, ни князь Лещинский не знали. Результат поражал – утрата мощи потенциала едва выжившей Софией Лещинской, травмы Марии Лещинской, гибель барона Горанова, использование слепка воскрешения души принцессой Ядвигой и ярко пылающие кварталы Познани.

Личное дело Новицкого Надежда изучала вчера рано утром, в одном из кабинетов Московского Кремля, где проходила ее неофициальная встреча с президентом Российской Конфедерации. Где, изучая историю неординарного юноши, она все больше погружалась в хронологию событий его жизни, собранного специалистами Третьего отделения.

– Интересный кейс, – резюмировала она тогда, поднимая взгляд на президента Российской Конфедерации, которого видела лично впервые за несколько лет.

Собеседник после этих слов поморщился. Надежда знала, что ему не нравится вошедшее в моду употребление слова «кейс», но для столь неординарного случая и сопутствующих ему обстоятельств оно подходило как нельзя лучше.

Надежда же после своих слов, не скрывая брезгливости, отодвинула по столу подальше папку с личным делом. Она была из мещан, и в средней школе прекрасно познакомилась с такими вот мальчиками, которых попадание в высокую статусом компанию превращало в подонков. Президент заметил ее брезгливость, и добавил масла в огонь:

– Есть неподтвержденная информация, что Новицкий продал свою сестру Анжею Лещинскому, заманив ее в загородный особняк.

– То есть он не просто подонки, а конченный подонки?

– Надежда, тебе не очень идет подобный стиль речи, – поморщился президент.

– Сергей Александрович, мы же не под взорами приличного общества, – пожала плечами Надежда.

Она хотела сказать что-то еще, как вдруг президент ее огорошил, словно пыльным мешком по голове:

– В самое ближайшее время тебя вызовет к себе государыня-императрица и предложит отправиться в Нагасаки, чтобы стать мастером-наставником и навигатором для Дмитрия Новицкого и его сестры Наоми.

– Сергей Александрович, я не готова быть навигатором у... этого человека.

Молодая княгиня знала и понимала, что ее заслуги перед троном позволят ей отказаться от предложения государыни-императрицы, поэтому приняла решение моментально.

Президент сразу говорить ничего не стал. Поднявшись, он подошел к окну кабинета и замер, глядя на золотого орла на башне Кремля. Постояв так около минуты, Сергей Александрович обернулся к Надежде:

– Тогда я, – сделал он ударение на слове «я», – попробую тебя об этом попросить.
К такому Надежда оказалась не готова.

– Почему я, Сергей Александрович? – спросила Надежда севшим голосом, понимая, что теперь отказать просто не сможет.

– Потому что из тех, кому я могу довериться в этом деле, только у тебя одной могут быть не продиктованные чужой волей, а свои собственные, личные интересы. Мне это важно. Кроме того, если Дмитрий Новицкий действительно окажется конченным подонком...

– Я просто не смогу предотвратить трагический несчастный случай?

– Наденька, солнце, – устало вздохнул президент, – ну сколько мне тебя учить: есть же вещи, которые хоть всем и очевидны, но о них необязательно говорить вслух.

– Простите, Сергей Александрович. То есть мне нужно приехать в Нагасаки и как можно быстрее сделать то, что всем очевидно, но о чем не говорят вслух?

– Нет.

– Нет? Так все же понятно, он же конченный, – недоуменно кивнула Надежда в сторону личного дела.

– Не все понятно, – еще раз устало вздохнул и покачал головой президент. – Практически нет сомнений, что Новицкий продал свою сестру Анджее Лещинскому. Но после ритуала, после того как его эвакуировали из Познани, они с сестрой демонстрируют крайне близкую эмоциональную связь. Я хотел бы, чтобы ты с этим разобралась.

Потом уже, когда Надежда летела из Москвы в Петербург на аудиенцию к государыне-императрице, и после – во время полета из Петербурга в Нагасаки, она много сомневалась в принятом решении.

Ей не хотелось в этом участвовать. Не потому, что ознакомившись с личным делом, она испытывала неприязнь и отвращение к Новицкому – хотя она испытывала к нему неприязнь и отвращение. А потому, что она была одержимой, владеющей темными искусствами – и у нее, как и у всех одержимых, крайне сильно развито предчувствие и предвидение. Надежда сейчас хорошо чувствовала, что выполнение просьбы президента ведет ее в самых настоящий клубок интриг, где сплетаются интересы самых разных людей и группировок. Иначе говоря, ей предстоит, как говорил один из ее старых друзей, «вписаться в блудняк».

Настолько Надежда прочувствовала, что ничего хорошего ее впереди не ждет, что во время перелета из Петербурга в Нагасаки думала даже попробовать найти какой-нибудь предлог и все же отказаться. Предполагая самые различные варианты, вплоть до замужества. Было бы с кем еще – вспоминая свои недавние метания, тяжело вздохнула Надежда.

На первый взгляд все оказалось не так плохо. Первая встреча с Новицким, а особенно последующее общение с его сестрой Наоми заставили княгиню Кудашову задуматься. После первой беседы Надежда общалась с Наоми уже наедине, и юная кицуне-оборотень с горящими глазами и обожанием рассказывала ей о брате. Рассказывала о том, как он разительно изменился после ритуала, став тем самым Рейдзи, который ее раньше любил и защищал. Наоми рассказывала еще и о том, как опекун Сэкиро Хиро культивировал ненависть между братом и сестрой, что они поняли только совсем недавно.

Надежда, слушая юную кицуне, хорошо чувствовала, что та что-то не договаривает. Не желая давить на юную девушку, уже испытывая к ней симпатию, дала ей о своих догадках понять, намекнув, что между ними тайн быть не должно. Результата добились: Наоми долго мялась, но все же рассказала, что их опекун вчера вечером вернулся в Нагасаки и заявился в дом.

Надо же, вот где объявился Сэкиро Хиро, которого сейчас безуспешно искали все разведки Конфедерации Четырех Империй! Но дальнейшее удивляло еще больше: оказывается, после того как Наоми высказала двоюродному дедушке и опекуну все свои подозрения в манипуляции, Сэкиро Хиро просто вскрылся, совершив сэппуку.

В этот момент Надежда Геннадиевна окончательно поняла: предчувствия ее совершенно не обманули, и влезла она в очень темную и мутную историю.

– Да это блудняк какой-то, – даже вполголоса повторила она снова фразу, которая совсем недавно всплыла воспоминанием из насыщенной событиями юности.

Между тем, пока княгиня Кудашова отстраненно вспоминала события прошедших полутора суток и думала обо всем сразу, Новицкий уже вышел из комнаты и осторожно двигался по подземной стоянке торгового центра виртуальной карты Арены под названием «Молл».

Совершенно непопулярная локация – на ней очень редко проводились какие-либо соревнования или ивенты. Но именно эту карту Надежда выбрала неслучайно – давным-давно, много лет назад, именно на этой локации, только в реальности, Надежда получила самый первый и очень важный урок собственной незначительности.

Тогда она, правда, была в составе сборной команды гимназии по практической стрельбе, но это не суть важно. Сейчас она хотела увидеть, как не в силах выполнить задание выбраться, Новицкий раз за разом будет биться головой в стену. И вот когда созреет, а желательно – попросит ее остановить испытание, Надежда собиралась побеседовать с ним уже в другом тоне.

По ее задумке, Новицкий – неглупый парень, должен был осознать глубину пропасти, на которой находится и понять, что выбраться может только с ее помощью. Надежда не хотела, чтобы он на нее снова смотрел так прямо и бесстрашно. Она хотела, чтобы он пережил то, что пережила она когда-то, осознавая свою слабость перед лицом сильных противников в ловушке обстоятельств.

Он не должен сломаться, но должен согнуться. Впрочем, если сломается – так тому и быть, в этом мире неудачники никому не нужны.

Надежда Геннадиевна сейчас словно разговаривала сама с собой, как будто спорила. Она и в мыслях не хотела допустить, что ей хочется снова увидеть недавний прямой и заинтересованный взгляд, почувствовать горячее внимание Новицкого и услышать – пусть и косвенный, но комплимент от него.

Отогнать столь дурацкие мысли помогло то, что на Новицкого уже кинулась стая измененных демонических гончих. Юноша смог рассеять первую группу, убив нескольких, но его ожидаемо подловили со спины. Надежда внимательно наблюдала за происходящим и подумала было, что стоит, наверное, чуть упростить задачу. Она, участвуя в аналогичном испытании – пусть в реальности, была в бронекостюме и в составе команды из шести человек. Сейчас она уже пожалела о выставленных условиях, наблюдая, как Новицкого рвет стая демонических гончих. Ей ведь нужно его согнуть, а не размазать...

Обрывая заметавшиеся мысли, в дальнем углу комнаты неожиданно сверкнула яркая вспышка, и капсула полного погружения вспухла ярким взрывом. Будь на месте княгини другой человек, не обошлось бы без серьезных травм. Но Надежда была могущественной одержимой; она умела входить в скольжение во времени, ускоряясь.

Поэтому сейчас, «приостановив мгновение», будто в замедленной съемке, молодая княгиня наблюдала, как летят в нее осколки стекла, брызги интрогеля и обломки виртуальной капсулы. Она поставила импульсный щит и сквозь прозрачную пелену смотрела, как растекается по силовой завесе зеленоватая тягучая жидкость, бурлящая от удара обломков капсулы.

Едва Надежда вышла из скольжения, тут же ей по ушам ударило грохотом. Сквозь пелену силовой завесы она увидела, что капсула полного погружения просто перестала существовать, разнесенная на тысячи маленьких обломков. Обнаженный Новицкий, стоя на коленях среди расплескавшегося интрогеля, обломков и змеящихся жгутов молний, поднялся на ноги. Глаза его горели ярким магическим отсветом, вокруг кулаков сплетались в длинные клинки жгуты молний.

«Надя, у него удивительно мощный потенциал. Именно поэтому я хочу, чтобы ты была его навигатором», – вспомнила Надежда слова императрицы Ольги, которыми та сопровождала свою просьбу и повеление.

Глаза Новицкого понемногу гасли, молнии у сжатых кулаков уже исчезли. Посмотрев на Надежду, он что-то спросил.

– Что? – переспросила Надежда машинально. Только потом поняла, что ее не слышно и убрала щит.

– Что? – еще раз спросила она.

– Вы в порядке?

Вопрос поставил Надежду в тупик. Чувствуя, как снова алеют щеки, она разозлилась на себя. Чтобы не показать смущения, взяла паузу, аккуратно стряхнула с плеча невидимую пылинку.

– Странный вопрос, конечно, я в порядке. Но спасибо за заботу.

Новицкий неопределенно пожал плечами. Повисла пауза, нарушаемая треском электропроводки. Надежда вдруг поняла, что они с Новицким просто стоят и смотрят друг на друга.

– Э... Я увидела все что хотела, благодарю за демонстрацию возможностей. Пока можешь привести себя в порядок...

«Господи, что я несу».

– ...я же свяжусь с ротмистром Соколовым, решим вопрос с уборкой и заказом новой капсулы. Да, наверное, стоит заказать еще прет-а-порте принтер. Похоже, этот вышел из строя. Что?

– Очень удачно.

– Что-что? – не поняла Надежда, о чем речь.

– Понимаете, мы вчера закинули в дистрактор этого принтера человеческое тело, и я волновался, как вообще можно будет использовать предметы, которые после этого будут созданы, он же перерабатывает все. Представляете, напечатать зубную щетку и знать, что она создана в том числе из... ну, в общем, вы поняли, наверное.

– А... да-да, ясно. Мне, пожалуй, пора, – поднялась Надежда, надеясь, что сохраняет бесстрастное выражение лица.

На деревянных ногах она прошла к выходу, старательно перешагивая через обломки капсулы, остановилась на пороге. Подумала немного, обернулась.

– Стандартные тренировки начнутся с завтрашнего дня, выход на пробежку в двенадцать минут шестого, прошу не опаздывать. Вечером проверь личную почту, я скину описание дыхательных упражнений для подготовки к обучению практик ментального сокрытия.

Кивком попрощавшись с озадаченным Новицким – после экстренного выхода из виртуальной реальности плавающее сознание как после наркоза, Надежда вышла из комнаты.

Навстречу ей уже бежали бойцы Соколова, мелькнули серебристые волосы обеспокоенной Наоми. Надежда Геннадиевна, мыслями находясь совсем не здесь, ответила на несколько вопросов, раздала дежурные указания.

Она старалась выглядеть невозмутимо, но внутри кляла себя последними словами. И, закончив с формальными обязанностями, поспешила направиться к себе. Впервые за много лет Надежда испытывала жгучий стыд и смутение.

В голове пульсировала мысль: «Господи, какая же я дура! Точно теперь примет за последнюю идиотку».

Глава 3

«Господи, что за дичь я несу?! Какое тело, какая зубная щетка, зачем я ей это рассказал?!»

Осознание сказанного пришло постфактум. Ощущение – как бывает после наркоза, когда в себя уже пришел, а в ясное сознание еще не вернулся.

Похоже, наше обучение, еще не успев начаться, уже близится к завершению: ее кавайная светлость покинула разбомбленную комнату с таким лицом, как будто здесь не капсула взорвалась, а гранату в деревенский сортир бросили. Причем будто именно я эту гранату и кинул, ее об этом не предупредив. Она хотела на меня посмотреть, она на меня посмотрела, м-да.

Нет, ну кто знал-то, что так получится?

Жалко, жалко, а я уже было надеялся, что сработаемся – Надежда Геннадиевна, пусть и старалась казаться бесстрастной снежной королевой, мне начинала нравиться своей рассудительностью и спокойствием. Ну, это кроме эффектной кавайной внешности, конечно.

В комнате уже стало тесно от кучи бойцов, озадаченно осматривающихся, а я подхватил одежду и, стараясь не поскользнуться на интрогеле, пошел принимать душ.

– Дмитрий Сергеевич, что здесь... произошло? – спросил меня один из людей Соколова, молодой парень в мундире с фамилией «Никонов» на левом кармане.

Я даже задумался, не зная, как тактично ответить на такой интересный вопрос.

– Стреляли, – пожал я плечами.

– Где? – спросил меня второй специалист, с нашивкой «Кононов».

– Там, – кивнул я в сторону разлетевшейся на мелкие осколки капсулы, после чего все же пошлепал босыми ногами в душ. А ночью ко мне пришла Наоми. Скользнула в приоткрытое окно, забралась под одеяло и прижалась ко мне.

– Рейдзи, мне надо тебе кое-что рассказать.

– Рассказывай.

– Надежда-сама сегодня очень долго меня расспрашивала и щупала мою душу, – горячо зашептала Наоми.

«Щупала душу» – надо же какое определение. Я бы тоже Надежду-сама за что-нибудь пощупал – мелькнула вдруг непрошенная мысль.

– Она много спрашивала и видела, что я не говорю на вопросы всей правды. Поэтому, чтобы скрыть нашу тайну, я рассказала все-все-все про дедушку Сэкиро.

Хм, вот почему после моей фразы об отправленном в дистрактор теле не последовало никаких вопросов.

– Ты сильно меня будешь ругать?

– За что?

– За то, что я рассказала.

– Да брось, ты молодец.

– Правда-правда?

– Правда-правда.

Сестра после этого успокоилась, а чуть погода засопела ровно – заснула. Я же почти до самого утра заснуть так и не смог, лежал и пялился в потолок до самого рассвета, одолеваемый мыслями.

Несмотря на мои опасения, ее кавайная светлость нас не покинула. Утром – в пять часов двенадцать минут, уже ждала на пробежку у ворот. И сейчас мне стала ясна причина столь странно назначенного времени – яркое солнце как раз только-только поднималось на востоке, окрашивая вершины на другой стороне залива.

Дом наш находился на восточном склоне горы Инаса, и отсюда открывалось удивительное по красоте зрелище. Которое даже немного отвлекло меня от кавайной княгини. Но ненадолго; на Надежде была мешковатая белая толстовка с опущенным капюшоном, совсем не прикрывающая ягодичы, обтянутые черными леггинсами, и белоснежные кроссовки.

В этом простом наряде она выглядела не так холодно-официально, как вчера в облике сначала аристократа, а потом корпората. Но все равно сногшибательно, так что взгляд не оторвать. Хотя... с другой стороны, если глянуть по существу вопроса: интересно, есть ли образ, в котором она выглядит без сногшибательного эффекта?

Поздоровавшись, Надежда Геннадиевна жестом показала нам с Наоми следовать за собой и выбежала за ворота. Сопровождали нас на пробежку несколько кавалеристов Соколова – без брони и кавалерии, тоже в спортивных костюмах. Двое бойцов впереди, парой, двое позади. Между ними мы втроем; Надежда бежала перед нами, мы с Наоми следом.

Я с парнями ротмистра Соколова поздоровался, но после этого внимания не обращал. Мы бежали сейчас по тротуару вдоль дороги, ведущей к вершине горы. Справа открывались шикарные виды утреннего города, и я туда даже иногда посматривал. Хотя, кому я вру – краем глаза только видел, потому что никак не мог оторвать глаз от маячивших впереди ягодич Надежды Геннадиевны.

Вообще никак не мог оторвать. Все же испытываю непреодолимое к ней влечение. И не могу понять, то ли это именно она на меня так действует, то ли это фактор шестнадцать лет при взгляде на столь красивую леди так разум напрочь вышибает.

Усилием воли все же отвел взгляд, сосредоточившись на беге. Тут же вспышкой снова возникло воспоминание, что в прошлой жизни я бегал по утрам в парке. После тридцати вообще, чтобы сохранить прежний тонус организма, много всякого разного начинаешь делать. Зарядку, например. Но тело реципиента было отлично подготовленным, поэтому я бежал сейчас не в режиме преодоления, а легко, в удовольствие.

Поднимались мы под уклон по пустынной дороге, по которой за это время проехала всего пара машин. Добрались до вершины горы, до станции канатной дороги – откуда открывался панорамный вид на Нагасаки. Здесь задерживаться не стали, сразу развернулись и побежали обратно.

Всего, по ощущениям, вместе со всеми изгибами дороги набегали километров десять. Судил по времени – темп держали ровный, а к возвращению домой с того момента как покинули территорию особняка прошло не больше часа.

После душа и легкого завтрака Надежда Геннадиевна позвала нас с Наоми на теоретические занятия. Изучали мы все утро, надо же, номенклатуру вооружений армий мира. Для усвоения знаний бойцы из команды Соколова нам притащили даже несколько десятков рабочих образцов, самых разных – вплоть до пулеметов, состоящих на вооружении ЧВК и армий стран Большой Тройки.

Я не очень понял, зачем именно нам это надо, но вопросов, конечно же, не задавал. После второго, более плотного завтрака – для обеда еще рано, по заданию Надежды засел за изучение в сети гайдов и материалов по площадкам Арены, на которых проходят соревнования Городской охоты. Мне на почту пришел целый список, причем часть из того, что в нем было, я изучил еще вчера. Упомянуть об этом не стал, просто принялся выполнять сказанное.

Сама ее кавайная светлость весь день занималась с Наоми. Вечером меня ждала работа на заказанных Альбиной тренажерах. Синхронизировать с виртуальным аватаром пока было нечего: нет пока ни виртуального аватара, ни капсулы, поэтому Надежда выдала мне комплекс упражнений по своей программе.

После ужина меня ждали ментальные практики не для защиты – не готов еще, как сказала ее кавайная светлость, а пока хотя бы для приглушения громкости своих мыслей. Несколько дыхательных упражнений и одно ментальное – досчитать в уме до ста, не отвлекаясь ни на

какие другие мысли. Несложная задача на первый взгляд, а стоит попробовать – как начинаются проблемы.

Впрочем, в прошлой жизни – как проявился у меня очередной проблеск воспоминаний, я умел обманывать полиграф, так что с ментальными практиками у меня вроде бы все хорошо шло. До ста туда и обратно положенное количество раз отсчитал с пустой головой.

Умел обманывать полиграф, надо же. Похоже, все-таки не сантехник.

В подобном режиме прошло три дня – до того момента, как нам не доставили новую виртуальную капсулу, гораздо более навороченную, чем первая. Вот только в этот раз перед погружением в виртуальную реальность произошло кое-что еще. Когда все было готово, и в комнате остались только мы одни, Надежда сказала мне деактивировать и снять с запястья таблетку личного терминала. После этого протянула два широких массивных браслета. Точь-в-точь такие же браслеты Ви-блокатора, которые мне передал Велльсгаузен и которые сейчас у меня в комнате лежали. И которые я еще ни разу даже из тумбочки не доставал, куда их и убрал в первый день.

– Знаешь, что это? – перешла Надежда на «ты», переключаясь в режим тренировки.

– Браслеты из комплекса Ви-блокатора, отсекающие владельца от возможности использования дара.

– Верно, их еще называют негаторы, чтоб проще было. Маска – блокатор магии, браслеты – негатор магии. Надевай.

– У меня есть такие, в комнате лежат, – счел нужным я упомянуть.

– Я знаю. Но лучше использовать эти.

– Могу узнать почему?

– Потому что я уверена, что в этих не зашито и не спрятано ничего постороннего.

«Однако», – мысленно хмыкнул я.

Взял протянутые широкие браслеты, защелкнул на запястьях. Так, а как их дальше? В каждый из браслетов вставлены по три аметиста, а похоже, вот на этот крупный нужно нажать, прямо видно, что его реально утопить вглубь.

– Стой-стой, – похоже, поняла Надежда, что я в первый раз так делаю. – Лучше сесть, – пояснила она.

Сел на кресло, один за другим вдавил поблескивающие внутренним светом аметисты. Почувствовал покалывание, а потом браслеты вдруг размякли, плотно прижимаясь к коже. Как будто не металлопластиковые, а резиновыми стали. И исчезли!

Аметисты остались, как будто вплавленные в плоть на запястьях, а вот браслеты пропали – остались только полоски на коже, чуть более темные, как будто от загара. Очуметь – думал я, глядя на вставленные в мои руки аметисты, которые сейчас сияли негромким фиолетовым отсветом. И ни чувствую ведь ничего, просто не ощущаю эти камни.

Поначалу в ощущениях вообще ничего не изменилось, но через несколько секунд я вдруг оказался словно в абсолютной тишине. На меня будто свалилась пустота – очень странное и неприятное чувство. Причем на некоторое время я даже потерял ориентацию в пространстве. Ну да, если бы на ногах стоял, мог бы не удержаться.

– Как ощущения? – спросила Надежда.

Покрутил головой, поднялся. Так себе, если честно. Нет, физически я в порядке, но чувствую себя крайне неуютно. Словно дыра в душе образовалась. Ощущения полностью сформировались, и я озвучил их Надежде:

– Плывут две молодые рыбы, навстречу им попадает старая. «Холодная сегодня водичка, да?» – спрашивает старая рыба и плывет дальше. Молодые рыбы переглядываются, и одна спрашивает другую: «А что такое вода?» Вот чувствую себя как одна из этих молодых рыб, которую вдруг вытащили из воды.

Поджав губы, Надежда покивала.

– Интересное сравнение. Да, имей в виду – с браслетами-негаторами у тебя теперь в капсуле не будет доступа к своему фамильяру.

Неприятно, но выбора нет.

Если честно, мне вообще не хотелось снова идти в тот страшный виртуальный подвал подземной парковки, но и тут у меня выбора нет. Надежда, кстати, все это время на меня внимательно посматривала – может, ожидала реакции какой, но я старался сохранять спокойствие.

Зашел в капсулу, остался в одиночестве за закрытыми створками и...

«Шеф?» – вдруг раздался голос Альбины.

– Как ты... здесь? – почти беззвучно прошептал я, понимая, что это не в капсуле голос фамильяра звучит, а у меня в голове.

Причем я без маски, без дополненной реальности – как такое возможно?

«Шеф, помните, что я говорила про эгрегор и мое существование благодаря вашей ауре? Мне кажется, именно это причина того, что ее светлость сейчас серьезно ошибается, думая, что с активными негаторами мы друг другу недоступны».

Интересное кино. Впрочем, говорить Надежде о том, что фамильяр осталась со мной, я не стал. Слишком все вокруг... размыто и непонятно в перспективе, мне бы хоть какие козыри иметь при себе. Чтобы Надежда не увидела всплеск эмоций, я уже подсознательно гонял дыхательные упражнения, стараясь успокоиться. Хотя даже если обратит внимание, наверняка подумает, что демонических собак опасуюсь. А я их, ска, реально опасуюсь.

После знаменующей смену восприятия вспышки с волнением ожидал увидеть стартовую точку карты «Молл» – локации Арены я уже изучил и знал, что именно на ней, в подземной парковке торгового центра я оказался перед тем, как первая капсула аннигилировалась.

На удивление ничего подобного не произошло: после погружения оказался в тренировочном центре, стандартном для новичков. Первые несколько дней по три-четыре часа проходил вполне адекватную программу обучения, рассчитанную на тех, кто только собирается участвовать в соревновательных дисциплинах Городской охоты. О моей первой попытке, закончившейся взрывом капсулы, за последующие дни не было сказано ни слова. Похоже, Надежда тогда увидела все, что хотела.

В процессе тренировок в виртуальной реальности я понял, что прохожу пусть стандартную, но при этом дополненную программу: в мире, где существовало сословное деление, отсутствовали какие-либо попытки уравниловки. Есть деньги и возможности – пользуйся, никто не запрещает.

Моя программа обучения была одна из премиальных, так что кроме стандартного набора тренировок я имел возможность бродить по самым популярным локациям. Тренировался поначалу на легких и предсказуемых противниках с низким уровнем искусственного интеллекта в щадящем режиме. Постепенно уровень сложности поднимался, и вскоре я уже на постоянной основе участвовал в самых разных массовых замесах по типу королевской битвы. Участвовал, кстати, в режиме «инкогнито» – каждый раз для меня генерировался новый ник и экипировка. Пару раз даже побеждал.

Дни потянулись один за другим в одинаковом ритме. Утренняя пробежка, теория, виртуальная капсула на четыре часа, комплекс тренажеров на четыре часа, перед сном набор простых упражнений для ментального контроля.

Наоми по-прежнему приходила ко мне в спальню, когда не могла заснуть, но делала так уже далеко не каждую ночь. Все же после занятий с Надеждой она уставала серьезно, кроме того училась чувствовать и контролировать свою силу. Чего без контроля эмоций не достигнешь. Причем делала она в этом, как я понимал по обрывкам фраз Надежды, определенные успехи.

Одинаковые дни сменяли один другой. В таком режиме дня сурка прошел почти целый месяц, и у меня уже начали возникать некоторые вопросы. Все же княгиня Кудашова – наш

мастер-наставник и навигатор. Про мастера-наставника понятно, вроде как выполняет обязанности: я бегаю по утрам, занимаюсь теорией, стреляю во время боев в виртуальной реальности и даже в кого-то все чаще попадаю. Но мастером-наставником она является именно что «вроде как» – потому что утренняя пробежка и постановка задач для изучения локаций Арены все же не смахивает на серьезную программу обучения.

И если моим мастером-наставником ее все же можно назвать, то вот навигатором – никак не получается. Навигатор – это ведь история о поиске пути освоения контроля дара, но за минувший месяц от Надежды вообще ни слова не слышал про стихийную силу. Только к блокирующим магию браслетам-негаторам привык, как к детали гардероба, надевая их каждый раз перед погружением в вирт.

Зато с Наоми Надежда занималась именно что освоением ее магического дара, причем очень плотно – буквально каждый день, пока я провожу свои восемь часов в вирте и на тренажерах, они выезжают на магические полигоны. Сестра просто визжит от восторга по вечерам, раз за разом рассказывая о своем персональном айдоле. Еще немного, кажется, и она во имя ее молиться начнет.

Меня понемногу начали гложить сомнения. Чего тянем? Может быть, ее кавальная светлость ждет, пока я научусь контролировать эмоции при взгляде на ее «нижние девяносто» во время утренней пробежки? Так мне до этого как до Китая... а нет, Китай тут близко совсем. Как до Москвы гусиным шагом, в общем, далеко еще. Или же она вообще не собирается меня учить, решая подобной итальянской забастовкой мне за что-то отомстить и просто дожидаться, пока я не справлюсь с даром? Или не мне отомстить – я помнил ее оговорку о том, что она прохлаждалась и отдыхала до получения направления в нашу сторону.

В общем, с такими мыслями сегодня долго не мог заснуть. И после некоторого раздумья решил, что завтра днем, вернее, уже сегодня – время за полночь, перед очередным визитом в виртуальную реальность, когда мы традиционно с Надеждой остаемся одни в комнате, пора начинать задавать вопросы.

Вот только оказалось, что момент того что «пора», прочувствовал не только я: окно в моей комнате вдруг открылось и в проеме мелькнула смазанная тень. Чувства опасности не было, но когда видишь призрака спокойным остаться сложно.

Я вскочил с кровати, думая, что делать и куда бежать. При этом размытый силуэт из проема окна уже исчез. Так, и что это было?

– Доброй ночи, – раздался негромкий голос из-за спины.

Обернувшись, увидел расположившуюся в кресле Надежду. Сидела княгиня совершенно спокойно, в расслабленной и уверенной позе – закинув ногу на ногу, откинувшись на спинку и положив руки на подлокотники кресла.

– Скольжение, – пояснила она. – Мне нужно было оказаться в вашей комнате так, чтобы никто этого не увидел.

Обращение на «вы», добавляющее официоза, слышать было крайне непривычно. Вместе с Надеждой мы не завтракали и не обедали, на пробежке не разговаривали, а общались только в режиме тренировок. Так что я уже привык с ней свободно разговаривать, и почувствовал себя несколько странно от такой подачи манеры разговора.

– Зачем вы здесь?

– Поговорить, – пожала плечами княгиня. – Для начала вам, думаю, все же стоит одеться, разговор предстоит долгий.

Хм, ну да – опомнился я. Уже через несколько минут я сидел в кресле напротив Надежды. И только сейчас она протянула мне браслеты-негаторы магии.

– Прошу.

Видимо, разговор предстоит не просто долгий, а серьезный – подумал я, активируя блокирующие стихийную силу браслеты. Альбину при этом браслеты не блокировали. Ну да, Надежде знать, наверное, этого пока не стоит.

Кавайная княгиня довольно долго не начинала анонсированный разговор. Молчала и размышляла, глядя сквозь меня. Интересная какая. «Нужно поговорить», а сама сидит и молчит. Впрочем, когда Надежда начала говорить, подобные мысли вылетели у меня из головы, потому что говорила она крайне серьезные вещи:

– Меня попросили, не приказали, заметьте, стать вашим навигатором. Не вашей сестры, не навигатором у вас обоих, а именно вашим.

Надежда говорила негромко, по-прежнему глядя сквозь меня.

– Я точно не знаю, почему для этой роли выбрана именно я. Но, чтобы вы понимали, задачу мне ставила... ставило, самое высшее руководство Империи. Насколько я могу понимать, причина этого заключается в том, что ваш потенциал как владеющего невероятно силен. Возможно, он даже превышает седьмой золотой ранг...

– Вы не рассказывали ничего о рангах.

– В школе расскажут, – отмахнулась Надежда, не выходя из глубокой задумчивости. – Самое главное, что у вас очень высокий потенциал, таких одаренных очень мало в нашем мире. Так вот, есть у меня определенная догадка насчет вашего будущего. Как ты полагаешь, в чем сейчас заключается твое предназначение?

Как-то неожиданно она на «ты» перешла.

– Полагаю, что одним из вариантов рассматривается позиция быка-осеменителя для высокородных владеющих дам, которым не повезло найти равнозначного по статусу мужа.

Надежда посмотрела на меня долгим внимательным взглядом.

– Все так. Вот только это относительно безопасный вариант, и в сложившейся для тебя ситуации я бы не сказала даже, что он плох.

– Ты имеешь в виду опасность от Лещинских и прочих мною обиженных?

Надежда сейчас, когда я сам перешел на «ты», немного замялась и даже чуть смутилась. Похоже, не ожидала. На самом деле, учитывая разделяющую нас сословную и возрастную пропасть – незаметную сейчас, пока мы на лето закрыты в пределах дома и маршрута утренней пробежки, я действительно веду себя нетипично. Но это внешне – внутренне я не испытываю никакого дискомфорта по этому поводу.

– Я сейчас не о прочих обиженных, как ты выразился. В тебе и твоей жизни есть определенная тайна. Двойное дно, связанное с твоим даром. Понимаешь, способ и обстоятельства при постановке мне задачи, ваш совершивший самоубийство опекун, перевод двух дураков из ФСБ сюда...

– Что, прости?

– Ах да, ты же не в курсе. Про сорванную пломбу знаешь?

Спрашивал я, вообще-то, про «самоубийство», играя в несознанку. Но про сорванную пломбу ответил автоматически:

– Знаю, Модест Петрович рассказал.

– Откуда ты знаешь Модеста? – вскинулась вдруг Надежда, заставив меня вздрогнуть. На мгновение мне показалось, что в ее глазах мелькнула непроглядная Тьма.

– Эм... – даже замялся я, потому что на миг лицо Надежды стало выглядеть весьма опасно. – После того как мы с Наоми были эвакуированы из Познани, нас доставили в город Белоцарск, где в штабе Четырнадцатой бронекавалерийской бригады я имел ознакомительную беседу, в ходе которой сообщил о потере памяти и получил некоторое представление о картине мира и своих перспективах в освоении проклятого дара. Собеседник представился как Модест Петрович, сообщив, что является куратором проекта «Резервация «Восток»».

– Высокий брюнет с тонкими чертами лица, иссиня-черными волосами и молочно-белой кожей?

– Рост не видел, он за столом сидел, но остальное совпадает.

– Ах ты ж с-с-с... – неожиданно едва слышно проговорила Надежда. Не знаю, что хотела сказать она дальше за слово, начинающееся с протяжного «с-с-с», но не сказала.

Сдержалась.

– Мне довели, что твой куратор от проекта «Резервация» – Игорь Велльстаузен.

– Так точно. Игорь Николаевич встречал нас после посадки в Нагасаки, в ходе обстоятельной беседы и инструктажа вручил мне браслеты Ви-блокатора, ассистант личного терминала и перстни, которые мы должны будем использовать при инициации Источника.

– Ясно. Ясно, – вздохнула Надежда. – Все это только подтверждает, что вокруг тебя происходит...

Пощелкав пальцами, ее кавайная светлость замялась, пытаясь найти нужное выражение.

– Нездоровая канитель? – подсказал я машинально.

– Именно, – кивнула Надежда. – Именно, что нездоровая канитель.

– А что за два дурака из ФСБ?

– Какие два дурака? – Надежда явно находилась сейчас далеко в мыслях, но быстро вспомнила, о чем речь: – Ах да, Никонов и Кононов.

Знакомые фамилии – ну да, я ж их видел во время настройки капсулы. Вроде вполне обычные парни, на дураков не похожи.

– Когда у тебя сорвало ментальную пломбу, ты находился в зоне ответственности оперативного штаба Управления ФСБ по Гродненской губернии. Дежурный, который засек всплеск энергии, уже утром был уволен со службы переводом в Канцелярию, в Третий отдел. Вместе с ним отправился его коллега, с которым он ночью почесал языками по твоему поводу. Сейчас эти двое с подпиской о неразглашении следят за периметром и выполняют обязанности аналитиков при команде Соколова, – махнула рукой Надежда в сторону соседнего особняка. – В общем, как ты правильно выразился, вокруг тебя начинает кружиться совершенно нездоровая канитель. Я не знаю и даже не догадываюсь, что это может быть. И в связи с этим я предлагаю тебе... поиграть в игру, так скажем.

– В какую?

– В смертельно опасную.

– В чем именно эта игра будет заключаться?

– Это будет твоя личная игра. Ты уже сделал к этому первый шаг, планируя участвовать в Русском покере, чтобы получить хотя бы немного возможностей для самостоятельных действий. Я могу помочь тебе попытаться пройти еще дальше, попробовать докопаться до истинных причин происходящего. При этом, – подняла указательный палец Надежда, акцентируя внимание на следующих словах: – ты должен понимать, что в случае проигрыша мы с тобой вполне можем... исчезнуть, мягко говоря. П-пух, и все, нет ни тебя, ни меня. Вот так, – щелкнула она пальцами.

– Я бы, наверное, сосредоточился на другом варианте.

– На каком? – взметнулись брови Надежды.

– Пусть все идет, как идет.

Долго, очень долго – больше минуты, Надежда смотрела на меня. Взгляд я не опускал. Она тоже. На щеках ее кавайной светлости вновь появился румянец – похоже, она думала о том, что я струсил, и сейчас корила себя за просчет. Думаю, за прошедший месяц она наблюдала за мной и сделала вывод, что на ее предложение я соглашусь.

– Объясни, пожалуйста, – в голосе Надежды зазвенел лед.

– Я бы очень не хотел, чтобы из-за меня ты подвергала себя смертельной опасности, только и всего. Мне было бы комфортнее, если бы я один пытался разобраться со своей жизнью,

чтобы потом не было мучительно больно за потери, которых могло не быть. Если конкретно – я не хотел бы стать причиной твоих... так скажем, неприятностей в виде «п-пух, и все», – повторил я щелчок пальцем.

– Ах вот оно что, – заметно успокоилась ее кавайная светлость. – Насчет этого не переживай, у меня в происходящем будут свои цели.

– Какие?

– Тебе не кажется, что это не совсем тактичный вопрос? Учитывая наше несопоставимое положение в обществе, о котором ты почему-то постоянно забываешь.

– Не кажется, – спокойно покачал я головой. – Если идем на смертельный риск, садясь в одну лодку, полагаю, я имею право знать твои мотивы.

Щеки Надежды снова заалели. Я ведь и на «ты» перешел неожиданно для нее, вижу, как она каждый раз чуть ли не вздрагивает при этом, и аргументы у меня совсем не мягкие к восприятию. Снова злится, похоже – что ей, кстати, удивительно идет. Но заговорила ее кавайная светлость довольно спокойно.

– Потеряв память, ты сейчас только-только изучаешь окружающий мир. Для того, чтобы понять мои мотивы, тебе для начала нужна обширная база, в том числе элементарных знаний; база, которой у тебя сейчас просто нет. Когда знания появятся, я готова тебе все рассказать – к этому времени, если мы доживем, ты сможешь меня понять. Пока же готова рассказать тебе лишь часть моего мотива, который – не скрою, у меня в некотором роде присутствует, и этот мой мотив на ближайший год точно будет нашей с тобой основной легендой. Согласен?

Резон в словах Надежды был, поэтому я кивнул.

– Согласен.

– В период между первым и вторым совершеннолетием я принимала участие в турнирах по практической стрельбе, проводимых между выше-магическими учебными заведениями самых разных стран. Моя команда выиграла все турниры, в которых участвовала, после этого я и получила мировую известность и статус айдола в Юго-Восточной Азии. В немалой степени – благодаря созданному образу, близкому к стилю обычной японской школьницы.

Действительно, я помнил картинки, которые показывала мне Наоми, пытаюсь рассказать, с кем мы имеем дело – и на большинстве изображений ее светлость была в образе невинной школьницы с легкомысленными хвостиками, при этом щеголяла с огромным дрынком винтовки в руках.

– Практически каждый из тех, с кем я общаюсь среди высшего света, никогда не упускает возможность намекнуть мне на мой турнирный образ. Кроме того, я из мещан, и мне также никогда не забывают об этом напомнить. Видишь ли, так получилось, что дарованный мне титул – это награда от государыни-императрицы за деяния, о которых нельзя никому рассказывать. Так что подавляющее большинство людей, которые не в курсе, за что именно меня наградили, считают, что это дар именно за турнирный образ школьницы, за мою популярность. Но если даже и так, при этом совершенно игнорируется тот факт, что во всех турнирах, в которых я участвовала, именно я всегда занимала первое место по личной статистике и становилась самым ценным участником. Наши с тобой действия дадут понять, что мне это не нравится, и я вместе с тобой планирую снова победить в подобном турнире.

– Участвуя в соревнованиях вместе со мной?

– Я бы хотела возглавить команду как тренер.

– Звучит неожиданно.

– Понимаешь, для подавляющего большинства при дворе – для тех, кто достаточно силен, чтобы не потеть от страха при виде меня, я так и осталась большеглазой девочкой Наденькой с двумя хвостиками, на сиськи которой пускают слюни мальчики и при виде которой визжат от восторга девочки. По-иному в Петербурге меня просто отказываются воспринимать. Мое желание утвердиться в качестве тренера в кровавом спорте воспримут как блажь, со снисхож-

дением, я в этом уверена. Мы же с тобой под это дело получим некоторую степень свободы, имея возможность путешествовать по всему миру, благодаря чему в нужные моменты нас будет довольно сложно отследить.

– Великолепный план. Надежный, как швейцарские часы... – в задумчивости протянул я.

«Шеф, я бы настоятельно советовала вам выбирать выражение в беседе с ее светлостью», – впервые за время разговора проявилась Альбина.

Голос фамильяра прозвучал несколько озабоченно. Что неудивительно: ее кавальной светлости явно не понравился мой тон, в котором невольно мелькнули саркастические нотки. Но я, честно, не виноват – просто цитата в контексте пришлась, а так-то ничего против ее плана я не имел.

У меня все стабильно, в общем: сначала сделать, потом думать.

Надежда смотрела на меня со странным выражением. Она явно ожидала чего угодно, но не такой реакции. Впрочем, сдавать назад или оправдываться я не собирался. Лучшая защита – это нападение, поэтому я решил продолжать удивлять. Как ее, так и себя:

– Ваша светлость, могу понять вашу реакцию на мою кажущуюся дерзость, но прошу – вы уж определитесь. Если вам нужно мое подобоострастие и слюновыделение при взгляде на ваши без сомнений привлекательные и будоражающие воображения прелести, я готов соответствовать. Если же вы предлагаете мне участвовать в крайне опасной и рискованной аванюре, стоит подумать о пересмотре формата общения и отношений.

Глаза Надежды Геннадьевны потемнели, кожа полностью побелела. Похоже, она была в ярости. Я смотрел в ее черные глаза с опасением, но при этом с откровенным интересом. В голове при этом крутился голос Леонида Каневского: «Без лишних предисловий: мужчина умер».

Но обошлось – Надежда, похоже, справилась с холодной черной яростью и вернула себе обычный вид.

– Я подумаю над твоими словами. Ты со мной?

– Да, ваша светлость, я с вами.

С этого момента я решил, если уж она такая нежная, обращаться к ней никак иначе, как по имени-отчеству или говоря «ваша светлость».

– Отлично. Тогда собирайся, нам уже пора.

– Куда собираться? – тут же забыл я о своем решении, упустив добавляющееся «ваша светлость».

– В Дарвин.

– В Дарвин?

– В Дарвин.

– В Дарвин, – эхом повторил я.

– Да, в Дарвин! Это Северная территория Австралии, там, где гребенчатые крокодилы, мангровые леса, кенгуру и...

– Вашсветлость, я примерно знаю, где находится Дарвин. А нам туда зачем?

– В Дарвине мы с тобой завтра-послезавтра инкогнито примем участие в закрытом смертельном матче в парном формате все против всех. Попробуешь на вкус кровавый спорт. Кроме того, поищем людей к себе в команду.

– А зачем нам искать других членов команды? – не понял я замысла.

– Потому что списочный состав команды для участия в русском покере – шесть человек. Четверо в основе, два в запасе. У нас пока есть только я как тренер, и ты как капитан. Нужно еще четверо, понимаешь арифметику процесса?

В голосе Надежды прозвучал сарказм, но внимания я не обратил.

– Нет-нет, это понятно. Зачем нам искать кого-то у черта на куличках, я этого не понимаю.

– Мы будем участвовать в матче под эгидой Грязной лиги, а туда от хорошей жизни не заявляются. В таких ивентах, как правило, принимают участие не достигшие второго совершеннолетия владеющие, которым часто нечего терять, кроме своего дара. А если ты немного знаешь человеческую природу, то сможешь догадаться, что соратников для восхождения по лестнице власти и влияния нужно искать в самом низу, чтобы они понимали – упадешь ты, упадут и они с тобой. Среди владеющих с самой юности почти каждый уже принадлежит к какой-то группе, организации, роду или клану. Приблизив любого человека к себе из условно стабильного окружения, мы не сможем быть уверенными, что завтра по воле главы клана или рода он нас не предаст.

Сразу после этого объяснения возник у меня важный вопрос, но я решил с ним пока повременить, спросил о другом:

– Вашсветлость, вы сказали, что лига Грязная. Почему такое неблагозвучное название? – едва спросил, как сразу сам догадался: – Это не потому, что в ней участвуют владеющие, которые не обладают в полной мере чистотой дара?

– В числе прочего. Но не думай, что Грязная лига – это что-то предосудительное. Очень многие с нее начинают, и очень многие после возвышения даже не скрывают в своем резюме участие в устраиваемых Грязной лигой ивентах.

– За мной вы тоже в самый низ спустились, ваша светлость? – задал я придерванный ранее вопрос.

Отвечать на вопрос Надежда не стала, но по ее взгляду я все понял. И она поняла, что я все понял.

– Участвовать в матче мы будем вдвоем? – перевел я тему.

– Да.

– В смысле как тренер и участник, или вот прямо вдвоем, плечом к плечу?

– Да! Так ты готов?

Что значит это ее «да!», интересно? Переспрашивать, конечно же, не стал – ее кавайная светлость и так, похоже, устала от каверзных вопросов.

– Нас не хватятся?

– Я проинструктировала Наоми, утром на пробежке она скажет ротмистру Соколову, что мы с тобой отбыли на пару дней. Теоретически, мы можем скрыть наше отсутствие. Например, сделать вид, что ушли в погружение в вирт на несколько суток, но мне кажется лучше сразу обозначить нашу позицию. Когда вернемся, нам начнут задавать вопросы, мы начнем на них отвечать.

– Вы хотите в чужих вопросах найти ответы?

– Да.

– Что мне с собой брать?

– Браслеты-негаторы на тебе, больше ничего не нужно. Обуться просто не забудь, я подожду тебя на крыльце.

Поднявшись и неожиданно мягко тронув меня за руку, Надежда двинулась к выходу. Я невольно обернулся и проследил за покачивающимися маятником бедрами. Кавайная княгиня у самой двери остановилась, обернувшись. Судя по виду, она захотела что-то сказать мне неприятное.

– Я старательно тренирую все назначенные дыхательные и иные практики для освоения ментальной сдержанности, – опережая ее, отчеканил я.

– Вы ходите по очень тонкому льду, Дмитрий Сергеевич, – негромко, явно сдержав более резкий комментарий, произнесла ее кавайная светлость.

Пока она сдерживается, всего один раз обратилась в темную форму. Но это пока – ее кавайная светлость меня ведь может на темные молекулы размазать. Возникло понимание, что действительно хожу по очень тонкому льду. Тем более что Надежда до сих пор стояла перед

дверью, не выходя. Каверзу какую-то готовит? Или все же устала от моей дерзости, и кто-то сейчас получит по наглой белой морде? Смотрит очень холодно, никак не могу понять, что задумала. А ее кавайная светлость сумела удивить.

– Ты еще можешь передумать, – вдруг изменившимся голосом произнесла Надежда.

– Куда... о чем передумать? – не понял я, погруженный в мысли о неиллюзорной опасности прямо сейчас стать лужей протоплазмы.

– Может случиться так, что после этих выходных некоторые варианты твоего будущего, в числе прочего самые выгодно-непыльные, будут более недоступны.

Как она, подразумевая понятно что, изящно выразилась: «Самые выгодно-непыльные».

– Вашсветлость, я об этом уже подумал, много раз.

– Хорошо, жду во дворе.

Когда Надежда закрыла за собой дверь, я поднялся и вздохнул. Надеялся поспать, а гляди ж как оно вышло.

– Рейдзи? – услышал я негромкий голос.

От неожиданности вздрогнул и едва не подпрыгнул. Обернулся и увидел, что на открытом окне – в пограничном состоянии между двух сущностей, сидит Наоми. В позе лисицы, как однажды я ее уже видел – с разведенными в сторону коленями и опираясь на сведенные вместе руки. Только в этот раз на голове у нее, среди серебряных локонов выделялись – надо же, лисьи ушки.

– Много слышала?

– Примерно с начала разговора.

Неожиданно. И как, интересно, ее Надежда не почувствовала? Наоми между тем мягко соскользнула с подоконника и пошла в мою сторону, с каждым шагом выпрямляясь и возвращаясь в человеческую форму. Обняла она меня, уже будучи полностью человеком.

– Рейдзи, пожалуйста, будь осторожен.

– Буду стараться.

– Уж постарайся, чтобы не как в прошлый раз. И возвращайся пожалуйста-пожалуйста, я без тебя не выезду.

Не вывезет она, надо же, как заговорили. У кого набралась только?

– Иди спи уже. Вернись, не переживай.

Поцеловав меня на прощанье, Наоми мелькнула чередой фотографических вспышек и исчезла из комнаты.

«Альбин, ты здесь?»

«Конечно, шеф. Чем могу?»

«Да ничем, просто проверка связи».

Когда выходил из комнаты, испытал странно-знакомое ощущение. Похоже, мне не впервые покидать дом, зная, что могу не вернуться. Только сейчас мне, в отличие от прошлой жизни, есть к кому возвращаться.

Глава 4

После удара молнии в голову и моего появления на поляне во время ритуала прошел месяц. И все это время я пусть краешком, но все равно частично воспринимал происходящее вокруг как сон, допуская возможность горячечного бреда на больничной койке.

Любые невероятные и прежде непредставимые в реальной жизни чудеса я воспринимал все же не полностью веря увиденному. Скорее всего, сработал защитный механизм в психике – всегда допускал в уме, что происходящее не полностью реально, что позволяло мне не слишком переживать о происходящем. Шок удивления от невиданной магии, технологий и киберфеодализма сословного общества размывался, не обрушивался на сознание полностью. И, наверное, именно это помогло мне довольно легко справиться с осознанием, что новый я, в новом теле и в новой жизни – это навсегда.

Моя новая жизнь в новом, абсолютно другом мире.

Сейчас же, по прошествии месяца, с каждым днем, иногда даже с каждым часом, возможность допуска нереальности происходящего отдалялась все дальше, и я уже полностью и безо всяких оговорок погружался в такую на первый взгляд знакомую, но в то же время совершенно чужеродную реальность параллельного мира. Если в первые дни и недели чудеса иного мира я воспринимал абсолютно спокойно, то с каждым новым днем осознание реальности в моменте накрывало все сильнее.

Как сейчас, когда мы вместе с Надеждой покидали дом под созданным ею размытым пологом невидимости. Купол полупрозрачной колышущейся пелены, как она сказала, укрывал нас и от прямых взглядов, и от видеонаблюдения. Выйдя за ворота, мы в быстром темпе прошли пару километров. Двигались по склону горы вниз, направляясь к берегу залива.

Вскоре зашли в неприметный переулок и здесь Надежда сняла купол. На лбу у нее я заметил бисеринки пота – похоже, держать пелену невидимости оказалось нелегко. Кого мы здесь ждем, я пока не спрашивал – видел, что Надежда восстанавливает дыхание, приходя в себя.

– Не моя специализация, – произнесла она, словно оправдываясь.

Совсем скоро в темный переулок заехал автомобиль – легковой фургон, так называемый «каблук», на борту которого была нанесена яркая реклама доставки питательных смесей для прет-а-порте принтеров. Среди мешков этой смеси мы и поехали, забравшись в тесный низкий кузов.

Водителя через закрытый сеткой проем из грузового отсека было видно плохо, на нас он не оборачивался. Обычный вроде бы дядька средних лет с бородой, усталым лицом и в красной форменной кепке.

За дорогой я посматривал через видное мне с моего места лобовое стекло и увидел, как вскоре мы подъехали к неприметному дому у самой границы русской территории. Машина заехала в гараж на две машины, поднятая заранее секция ворот за нами сразу начала автоматически закрываться.

Второй машиной в гараже стоял массивный микроавтобус, в который мы все вместе и пересели. Здесь я с удивлением осмотрелся – это оказалась самая настоящая передвижная лаборатория. Рабочее место с поблескивающим синевой экраном; кресло, похожее на стоматологическое, и загадочного назначения аппарата.

Привезший нас сюда водитель зашел последним, и едва закрыл за собой дверь, моментально преобразился. Да так, что я едва удержал на месте падающую челюсть – он просто, черт побери, взял себя за кожу на шее и стянул с себя накладное лицо вместе с кепкой.

«Ах, удивительное дело», – поразился я про себя, но, как оказалось, это было только началом.

Следующий шок я испытал, увидев истинное лицо нашего водителя. Это был чернокожий парень, но я не этому удивлялся. Конечно, не сильно ожидаешь встретить человека с черной кожей на русской территории города Нагасаки, но и поразительной подобная встреча не выглядит.

Шоком для меня стало то, что у черного парня были желтые звериные глаза с вертикальными зрачками. Озадачивало и его поведение – на нас парень даже не смотрел, не говоря уже о том, чтобы поздороваться. Похоже, в его поведенческий паттерн подобные условности просто не входили. Взгляд у него блуждал, и только сейчас я заметил, как странный парень периодически плавно покачивался, двигаясь, словно в ритме танца. Какого-то психоделического, судя по движениям, танца, как будто космические мелодии слушает.

Надежда, впрочем, выглядела абсолютно спокойной, видимо, не в первый раз работает с этим странным парнем. Причем далее и вовсе она повела себя так, что у меня челюсть все же упала. Потому что ее кавайная светлость совершенно спокойно, не глядя на нас, начала раздеваться – быстро и деловито.

Десяток секунд и она осталась практически обнаженной – топлесс, после чего села на «стоматологическое» кресло. Странный черный парень уже подошел к ней и прислонил к лицу тонкую маску из материала телесного цвета. Чуть погодя, похожие накладки, только более плотные, легли ей на грудь, плечи и бедра. После этого Надежда положила руки на подлокотники, замерла, а чернокожий танцор активировал с пульта какой-то процесс, после чего сначала руки ее кавайной светлости, а после и все тело, обьяло желтым сиянием.

Прошло меньше минуты, сияние погасло, и я вдруг понял, что теперь на кресле сидит внешне совершенно незнакомая девушка. Взгляд остался прежним, а вот лицо, фигура – все изменилось.

«Holy shit! Мадре миа, йа просто пердоле...» – на смеси нескольких языков ошалело бормотал я про себя, не в силах поверить в увиденное. Черная мгла пропасти во взгляде ее кавайной светлости во время темного преображения не изумила меня так, как это столь невероятное превращение – занявшее едва пару минут со всей подготовкой.

Странный черный парень, не обращая на меня никакого внимания, уже колдовал над ступнями Надежды, клея и туда накладки телесного цвета. Кивком дал понять, что закончил, после чего она легко спрыгнула с кресла и, подхватив свою обувь с одеждой, отошла.

Когда Надежда поднялась, я обратил внимание, что изменилась не только ее внешность, а изменилось восприятие девушки. В своем оригинальном образе она виделась легкой, воздушной и утонченной – словно балерина. Сейчас у нее и лицо округлилось, и плечи словно стали пошире. Образ выглядел тяжелее, пропала утонченность и «анимешная кавайность», зато проявилась эдакая кровь с молоком, здоровая красота, словно у спортсменки-легкоатлетки. Или как у крестьянки на покосе с яркого эротичного плаката.

Столь сильно изменившаяся внешне Надежда между тем надела заранее подготовленную длинную растянутую футболку, скрывая наготу. Надо сказать, что для взгляда она стала едва ли не привлекательнее – футболка была не такой уж и длинной, открывая ноги, кроме того, ткань то и дело облегалась...

– Мог бы отвернуться, чтобы не смущаться, – сбивая меня с мысли вдруг произнесла Надежда, наконец, обратив внимание, что никак не отведу от нее взгляд. А я, если честно, сам только что на это внимание обратил – зрелище обнаженной ее светлости просто вышибло разум, так что последние минуты провел реально не приходя в сознание.

– Да я и не смущался, – выдал я, как обычно не подумав. Только после этого смутился и все же отвернулся.

– Заметно. А вот я смущалась, – прежним спокойным голосом сказала Надежда.

«Так потому что предупреждать надо было!» – мысленно обратился я к ней. Похоже, она почувствовала, потому что вдруг кашлянула.

– Присаживайся, – показала мне Надежда на кресло.

Все же очень странное она производит впечатление – внешность стала абсолютно чужая, а вот голос и взгляд знакомый.

– Раздеваться не надо?

– Тебе не надо, – ответила Надежда.

Странный черный парень со звериными глазами по-прежнему молчал, даже на меня не посмотрел. Он уже накладывал мне на лицо тонкую маску, как совсем недавно Надежде. А вот ее каваяная светлость, говоря на удивление спокойно, пока он работал над моей внешностью, разъяснила подробно:

– Я персона публичная и известная. Несмотря на запрет распространения личной информации, мои полные данные есть в нелегальных базах даже самых занюханных протекторов. И в Дарвине, и на месте проведения ивента мы многократно будем проходить под оком комплексных систем контроля, так что меня могут идентифицировать не только по лицу, но и по кинематике движения и физиологическим признакам. Поэтому кроме лица у меня были изменены контуры фигуры и манера походки. Твоих подобных данных в базах пока просто не может быть, поэтому для спокойного передвижения под чужим именем и личиной тебе достаточно только изменения лица. Все, теперь молчи.

Едва Надежда это сказала, как черный парень активировал свою техномагию, и я увидел, как вокруг меня пульсируют отблески желтого света. Закончилось все довольно быстро, и чернокожий парень сразу от меня отвернулся. Он уже жестом показал Надежде присесть у стены, быстро сфотографировал ее, после чего прошел на рабочее место, больше напоминающее пульт диспетчера, и его пальцы запорхали по невидимой мне виртуальной клавиатуре. Надежда (такая непривычно-незнакомая) уже подошла сзади и положила руки мне на плечи.

– Сиди, я пока займусь твоими волосами.

Все то время, пока черный парень колдовал над виртуальной клавиатурой, Надежда массирует мне голову, занимаясь покраской моих волос. Через некоторое время послышался характерный звук работы принтера, который выплюнул пластиковый прямоугольник удостоверения личности. К этому времени Надежда закончила с моими волосами – покрасила даже брови, и показала мне пройти на место для фото.

Еще несколько минут и принтер выплюнул вторую карточку удостоверения личности. Взяв ее в руки, я все же не удержался от удивленного восклицания. Нет, понятно, что на меня смотрел совершенно незнакомый юноша. К этому я как раз-таки привык: и так уже месяц из зеркала кто-то раньше незнакомый смотрит, в теле которого всего месяц живу.

– А мужских вариантов дизайна не было? – с наигранной претензией повернулся я к Надежде.

У меня не получилось скрыть свое крайнее удивление. Но я демонстративно направил его на свои покрашенные волосы: на фото они у «меня» были черные, с вкраплением ярких синих прядей.

Задавая вопрос, я смотрел в ясные глаза ее каваяной светлости, но перед взором так и стояло имя из АйДи: «Dmitriy Romanoff». Едва прочитав его, я вспомнил – это было мое имя, мое имя из прошлой жизни. Дмитрий Романов, именно так меня звали до того момента, пока на берегу океана в меня с неба не прилетело молнией.

Или это дьявольское совпадение, или... Мысли метались, причем я старался не думать о том, о чем не думать не мог. Мельком посмотрел на черного парня, сделавшего мне левое удостоверение личности. Он, закончив работу, словно впал в гибернацию – сидел, едва заметно покачиваясь в ритме космического танца, глядя пустым взглядом в пространство.

– Твоя задача будет в том числе привлекать на себя внимание, отвлекая его от меня, – где-то фоном прозвучали слова Надежды.

– Ваша светлость, давайте по-честному, – отбросил я мысли о своем новом-старом имени. – Хотелось бы отметить, что на фоне вашей внешности и фигуры, что в старом варианте, что в только что созданном, я не буду привлекать внимания, даже если появлюсь рядом с вами в объемном клоунском парике и на ходулях...

Я хотел сказать что-то еще, но осекся, видя, как незнакомая внешностью Надежда смотрит на меня со странным выражением в таком знакомом взгляде.

– Давно мне комплиментов не делали, – неожиданно вздохнула Надежда, после чего вдруг заметно смутилась. Отвернувшись, она достала из ящика две довольно странно выглядящих конструкции – каждая отдаленно напоминала искусственный позвоночник, у которого осталось по несколько ребер.

– Раздевайся.

Я быстро скинул футболку, расстегнул ремень, потянул вниз штаны.

– Оу-оу, штаны можно оставить.

– Вашсветлость, я может в чем-то и тупой, но исполнительный: сказано раздеваться, раздеваюсь, – не удержался я от иронии. Надежда отвечать не стала, но щеки у нее чуть заалели.

Когда она подошла ближе, я заметил, что материал, из которого выполнена похожая на позвоночник конструкция, тот же, из которого сделаны браслеты Ви-блокатора. И камни тоже вставлены, только, в отличие от аметистов, на моих негаторах магии здесь камни зеленые, дымчатые. Нефрит – узнал я, причем, судя по сдержанному сиянию, наполненный магией нефрит. Жестом показав развернуться, Надежда прислонила мне металлическую составную полосу сзади к шее и спине.

– Руки приподними. Да, да, вот так. Сейчас...

Кожу мгновенно заморозило, а после ощутимо кольнуло.

... – будет немного больно, договорила Надежда.

– Ауч! – не удержался я от восклицания, когда почувствовал, как будто невидимые иглы втыкаются глубоко под кожу.

– Сейчас все пройдет, – произнесла Надежда. – Опустите руки, пошевели.

Сделав несколько движений, я вдруг ощутил, что почти не чувствую странной железяки.

– Это что такое?

– Это Сфера жизни, техномагический аналог холодного сердца. Знаешь, что это такое?

Странно, почему «сфера», если выглядит как вырванный у какого-то робота позвоночник. Ну да ладно, это сейчас не так важно.

– Что такое Сфера жизни – не знаю. Холодное сердце – это индивидуальный реанимационный комплекс постоянного ношения, который в случае критического состояния организма погружает носителя в анабиоз, заменяя кровь специальным раствором, охлажденным до околонулевой температуры, – отчеканил я определение.

Одно из многих, которые последние недели изучал по заданиям Надежды.

– Все верно. Только при применении холодного сердца реанимационные действия невозможны в случае критического повреждения мозга. Сфера жизни используется только владеющими и работает по иному принципу.

– По какому?

– В школе расскажут, – отмахнулась Надежда. – Сейчас тебе необходимо знать только то, что Сфера жизни позволяет вернуть владеющего даром с того света при повреждениях, которые для обычного человека летальны. Грубо говоря, воскресить, даже если от тебя останется только одна эта сфера. Теперь мне надень, – передав мне второй «позвоночник», Надежда развернулась и стянула с себя футболку.

Всегда путался с тем, когда употреблять слово «надеть», а когда «одеть». Прошло это, когда запомнил простую подсказку: надеть одежду, одеть Надежду. Очень я сейчас старался думать об этой глупости, чтобы не думать о другом: встав ко мне спиной, ее каваяная светлость

обхватила себя руками. Выглядела она при этом так беззащитно, что захотелось ее обнять и прижать к себе.

Взяв вторую металлическую конструкцию, прислонил ее к спине девушки. Еще раз мельком глянул на странного черного парня – все это время он так и сидел, глядя в пространство немигающим взглядом звериных глаз.

– Теперь активируй, – произнесла Надежда.

– Как?

– Вдави самый крупный нефрит внутрь.

Надавив на округлый зеленый камень, я действительно запустил реакцию – конструкция стала как будто плавиться, сливаясь с кожей. Несколько мгновений и металл растворился, исчезая из вида – а у Надежды на коже остались чуть темные от естественного цвета полосы, рисунком повторяющие детали девайса. И еще сзади в основании шеи у нее остался как будто вплавленный в кожу округлый нефрит. Невольно завел руку за спину, потрогал шею сзади. Ну да, у меня такой же – причем, как и с аметистами на запястьях от негаторов, его даже не ошущаю.

Магия. Уже не удивляюсь.

Надежда не издала ни звука во время неприятной процедуры. Только когда все закончилось, повела плечами и, снова надев футболку, взяла со стола блокирующие магию браслеты, надевая их себе поочередно.

– Ты тоже будешь без магии?

– Не совсем, я же одержимая. У меня отсекло силу стихии Воздуха, которой я могу повелевать на среднем уровне, но основная моя сила во владении темными искусствами. Так что не волнуйся, потенциал я не утратила и защитить нас смогу.

– Мое уважение, – немного невпопад произнес я. Как-то странно слышать «смогу нас защитить» от ее кавайной светлости, пусть и выглядит она сейчас чуточку массивнее от своей настоящей внешности. Пусть как легкоатлетка, но даже на метательницу ядра все же ну никак не тянет.

– Одежда вон там, – показала мне на один из ящиков Надежда.

Для меня в ящике оказался комплект школьной формы: черные брюки, белая рубашка, темно-синий пиджак с эмблемой учебного заведения. Эмблема была мне незнакома, надпись понизу гербового щита на французском.

– Недавно расформированная высше-магическая школа «Ля Фудр» во Французской Гвиане... – начала пояснять Надежда.

Ля фудр – молния. Это я не французский знаю, а запомнил в детстве прочитанную книгу о капитане Бладе, где у одного из французских пиратов так корабль назывался.

– ...по легенде мы потомки русских эмигрантов, изгнанные из клана по причине слабости Источника, из-за чего в Грязную лигу и заявили, – пояснила вдруг Надежда.

Вот теперь понятно почему «Romanoff», а не «Романов».

Переодевался я, повернувшись к Надежде спиной. Когда обернулся, едва сдержал удивленный возглас от ее преображения. На Надежде была белая блузка, темно-синяя юбка с синим жакетом и белые гольфины до колен. Форма, повторяющая фасоном форму сестер Лещинских, только у тех цвета были черные с малиновым. Похоже, высше-магические заведения этого мира живут примерно по одной моде вне зависимости от страны. Удивление мое же было связано с тем, что я увидел перед собой самую настоящую школьницу-гимназистку. Только взгляд сейчас мог выдать настоящий возраст Надежды.

Я медленно осматривал так изменившуюся ее кавайную светлость с ног до головы, поражаясь как внешности, так и преображению. Не сразу заметил, что Надежда смотрит на меня, демонстративно подняв бровь.

– Простите, – пожал я плечами.

Надежда смотрела на меня и молчала – не намекала на тонкий лед, по которому я хожу. Мне почему-то кажется, ей даже уже начинало нравится мое внимание. Мне самому же оно все более не нравится – реально накрывает, аж реально из сознания выбивает без потери памяти.

По итогу в этот раз никак не прокомментировав мой бестактный взгляд, Надежда обернулась к странному водителю.

– Эль, мы готовы.

Станный черный парень со странным именем «Эль» словно вышел из анабиоза – вздрогнул, возвращаясь в рабочий режим из космоса, и кивнул. Едва он снова скрылся под маской-личиной бородатого доставщика в красной кепке, мы вышли из фургона-лаборатории. Снова сели в каблук развозки, выехали из гаража. Проехали совсем недалеко – фургончик вскоре остановился в тени канатной дороги, в глухом переулке, где мы и вышли. Не прощаясь, так и не сказавший за все это время ни одного слова странный парень уехал, а Надежда уже с помощью планшета-ассистанта вызывала нам такси.

Еще одно сословное различие – владеющие даром не пользуются имплантами, это нарушает целостность энергетического каркаса. Соответственно, среди владеющих мало кто использует и дополненную реальность, а некоторые функции – такие как заказ такси или покупка билетов, при всей технологичной развитости мира приходится выполнять с помощью подобных вот планшетов.

Дальнейшее все происходило вполне рутинно и буднично. На вполне обычном городском беспилотном такси мы доехали до аэропорта, где прошли регистрацию на рейс и паспортный контроль по выданным странным черным парнем АйДи.

Багажа у нас с собой не было, но в этом мире многие летали без багажа и даже без ручной клади. Здесь вообще в первом мире многие с пустыми карманами живут – зачем, если дополненная реальность всегда с тобой, а практически любую нужную вещь можно распечатать в общественном прет-а-порте принтере. Об этом я думал отстраненно, пытаюсь отвлечься от главного: когда прошли регистрацию и устроились в кафе за очень ранним завтраком в ожидании посадки, я весь изошел в мыслях о том, как бы начать разговор и подвести его на интересующую меня тему.

Решил просто прямо спросить.

– Мы вообще куда летим? Нет-нет, я знаю, где Дарвин, где Северная территория, но почему именно туда?

Надежда, помешивая чай, оглянулась по сторонам, словно раздумывая, говорить мне об этом сейчас или потом. После этого поставила локти на стол и наклонилась в мою сторону – взглядом показывая, чтобы я сделал также.

Взгляды наши встретились. Ближе... еще ближе – читал я в ее глазах. Уже почувствовал ее дыхание, наши лица оказались совсем рядом. Видел теперь только ее глаза, не замечая изменившийся внешности...

Впервые мы оказались так близко друг к другу. И пусть мы были в центре оживленного аэропорта, но нас словно отгородило от мира, оставив наедине в неожиданно интимной обстановке. Словно два школьника на первом свидании – подумал я, но тут Надежда заговорила, разрушая созданный воображением мираж:

– Северные территории – это британский карманный протекторат. Можно сказать, что экспериментальная комната в границах Империи. Место, где на своей собственной территории безнаказанно можно творить все то, что раньше можно было творить только к Востоку от Суэца.

Когда Надежда зашептала, мелькнувшие мысли вышибло реальностью. Нет, надо что-то делать с этим влечением, я уже реально понемногу разум начинаю терять в ее присутствии.

– ...но внешне все выглядит довольно благопристойно: В Дарвине благоприятная обстановка, там находятся представительства большинства мировых корпораций, не говоря уже

о всех серьезных компаниях тихоокеанского региона. На всех огромных – в сравнении с другими протекторатами, Северных территориях всего несколько гетто и неблагополучных районов. Неграждан не больше семи миллионов, из которых едва половина обладает положительным социальным статусом.

Надежда говорила негромко, все также перегнувшись ко мне через стол. Так, а она вообще говорила? Только сейчас понял: утонув в огромных глазах, я не обратил внимание, что все это время губы Надежды не шевелились. Это она мысленно говорит?

«Какой ты догадливый», – улыбнулась Надежда, продолжая держать мой взгляд и медленно откидываясь назад на спинку стула. Губы ее так и не шевелились, голос прозвучал только у меня в голове.

«У тебя очень сильно развито восприятие – обычно так происходит, когда человек в момент стихийной активации оказывается на пороге смерти. Владеющие сильным даром люди годы тратят на то, чтобы освоить мыслеречь. У тебя же это получилось так, что ты даже этого не понял. Легко приобретенное знание. Попробуй сказать мне что-нибудь».

Попробуй сказать «что-нибудь» – вот это заявка. У меня в голове моментально сложилась мешанина вавилонского строительства из мыслефраз на разных языках, в которых мелькали мемы, ругательства, комплименты для Надежды и сотни самых разных странных подач, по типу: «Почему означающее сокращение слово аббревиатура такое длинное?» Как будто слова Надежды послужили триггером, и я открыл битком набитый шкаф, из которого вывалились напиханные туда ранее вещи. Помогло все собрать одно из упражнений ментальных практик вместе с успокоением дыхания.

Надежда все это время спокойно наблюдала за мной. Ну как спокойно – на скулах такого незнакомого лица понемногу алел румянец, все же среди мешанины мыслей немалая часть касалась ее, особенно в контексте воспоминаний, как она переодевалась недавно в фургоне.

«Так почему именно Австралия?» – мысленно, отдельно и словно по слогам повторил я свой недавний вопрос.

«На Северной территории часто проводятся мероприятия кровавого спорта, там не сильно навязчивый контроль. Лучше по условиям только в Бангкоке, но в Бангкоке слишком много лишних людей меня знает, я решила так не рисковать».

«Давно ты наш выезд спланировала? Это ведь за день не организовать».

«Около недели назад, когда более плотно к тебе и к ситуации присмотрелась».

«Ясно. А имя ты мне придумывала?» – не справился я и все же задал вопрос.

«Нет, Эль».

Эль, значит. Станный чернокожий парень с желтыми звериными глазами, который знает мое прежнее имя – подумал я, стараясь погасить эти мысли и подумать о чем-нибудь другом. Но нелегко не думать о зеленой обезьяне, когда тебя попросили не думать о зеленой обезьяне – поэтому, чтобы скрыть свои мысли, я решил перебить их другими, но получилось еще хуже, что пришлось закашляться и отвести взгляд.

– Что-то не так? – внимательно посмотрела на меня Надежда, уже говоря вслух.

– Нет-нет, все отлично.

Надежда что-то почувствовала. Ясный взгляд огромных глаз меня не отпускал, она явно намеревалась продолжить задавать вопросы. Но меня спасло то, что как раз в этот момент удачно объявили посадку на рейс.

В самолете я сразу погрузился в сеть, изучая материалы про протектораты, в частности – про Северную территорию. Надежда вроде как с мыслеречью ко мне не обращалась, а я ее взгляда избегал. На самом деле, с большим удовольствием бы поговорил с ней, но меня до сих пор волновало увиденное старое имя на новом удостоверении личности, поэтому решил повременить.

Решил подождать, пока внутри все успокоится, так как не уверен, что в ходе обмена мнениями с помощью мыслеречи Надежда не услышит совершенно ненужных ей обрывков информации.

«Альбин, ты здесь?» – мысленно спросил я.

«Конечно, шеф. Я теперь живу у вас в голове, напоминаю на всякий случай».

«Ах да, как я мог забыть. Как ты думаешь, если в ходе мыслеречи не я, а ты обратишься к Надежде, она тебя услышит?»

«Я не знаю, шеф. Думаю, да, но надо пробовать».

«Пока не надо».

«Как скажете, шеф».

– Пристегнись, – вдруг тронула меня за руку Надежда.

– Что?

– Пристегнись, говорю, мы взлетаем уже.

– А, да? Я как-то и не заметил.

Ну, полетели.

Глава 5

В самолете, когда взлетели и все внутри меня успокоилось, поговорить тоже не получилось. Надежда просто взяла и заснула, предварительно попросив не будить ее для обеда. Пропала весь полет – чуть больше шести часов и проснулась только перед посадкой.

Ее кавальная светлость весьма няшно потягивалась, отходя после сна. Она молчала, я пока ничего не спрашивал. Все больше смотрел в иллюминатор – интересно было. Не уверен, что был в Австралии в прошлой жизни, почти никакого отклика личных воспоминаний. Но про Дарвин слышал, вроде небольшой совсем город.

Кругозор в плане географии у меня довольно широк, и я знал, что крупных городов в Австралии немного. Сидней, Мельбурн и еще один – забыл, как называется, что-то на «Т» вроде. В столице же – в Канберре, даже миллиона населения нет. Кроме этого, про Австралию в памяти обнаружилось не так много. Вроде бы типичный пейзаж – пустынная местность, где собака динго дерется с кенгуру за остатки выброшенной на берег акулы. Еще вспомнил, что в Австралии не очень приветливая флора и фауна, где почти все, что ходит, летает или ползает, как правило, хочет тебя убить. Станные какие-то представления, похоже на набор стереотипов – как Россию представляют заснеженной и с медведями на улице.

И то, что я сейчас видел, совершенно не укладывалось в мои знания об Австралии: заходя на посадку, мы летели вдоль берега, и в иллюминаторе под крылом проплывал сейчас самый настоящий густонаселенный мегаполис.

Вдоль зеленого берега высились самые разные высотные здания, поражающие воображение высотой и архитектурными решениями. Нечто подобное я видел в Гонконге – мелькнуло одно из озарений личной глубинной памяти. Но именно, что подобное: такого, как например, вот этот белый комплекс, точно никогда не видел. Привлекли мое внимание сразу три башни, которые возносились к небу, завиваясь спиралью, и выглядели, как огромные переплетающиеся деревья. Свободное пространство между ними было соединено многочисленными переходами, а на самом верху располагалась многоуровневая крыша с зеленым садом.

Мы как раз пролетали над этим комплексом, так что я мог его рассмотреть. Общая белая крыша трех небоскребов сделана в форме идеального круга, а зеленый сад на ней раскинулся в форме угловатого трилистника с точкой в центре – почти как знак радиационной опасности в моем мире.

«Альбин, это что такое?»

«Это филиал «Северная территория» корпорации Ncr.com, в просторечии Некромикон».

«Чем они занимаются?»

«Некромикон – монополист в производстве питательных смесей и сублиматов, входящих в продуктовые наборы, положенные получателям безусловного базового дохода».

– Это ведь здание корпорации Некромикон? – повернулся я к Надежде, используя повод начать разговор.

– Да, морковка, – ответила Надежда, глянув в иллюминатор, при этом весьма изящно сдержала зевоту.

– Почему морковка? – удивился я.

Как-то не ассоциировалось у меня слово Некромикон с морковкой. Скорее, склеп представишь с поднимающимися от вечного сна скелетами, а никак не оранжевый овощ.

– Лет пятнадцать назад в ООН приняли обязательную к выполнению резолюцию о гарантированном проценте натуральных продуктов в безусловном базовом наборе. Некромикон кормит половину мира и корпорация, выполняя резолюцию, тогда пришла в Египет, засеяв огромные площади морковкой. Никто же не требовал разнообразия натурального продукта в пакете с сублиматами. Потому и морковка.

С морковкой стало понятно, но услышанное «монополист» и «кормит половину мира» как-то не стыковывались.

– А кто кормит вторую половину?

– Вторая половина мира себе на еду зарабатывает и кормит себя сама.

Ах да, социальный рейтинг, безусловный базовый доход – забыл как-то, что в мир киберфеодализма попал. Небоскреб Некромикона между тем исчез из поля зрения, а по берегу потянулись нескончаемые кварталы однотипных высоток-человеишников в виде одинаковых серых коробок.

– Мы вообще скоро садиться будем? – вдруг сладко зевая, недовольно произнесла ее каваяная светлость. Неожиданно она вдруг облокотилась на меня, прильнув к плечу и выглядывая в иллюминатор.

– Скоро, – протянула она, видно, узнав местность.

Я уже не обращал внимания на проплывающий под крылом пейзаж. Заволновался, как подросток – плечо до сих пор помнило ощущение прикосновения ее груди. Вот странно: мы вроде как на потенциально смертельно опасное дело летим, но я об этом практически не думаю, потому что меня больше девушка рядом волнует. Причем серьезно волнует.

Обернувшись к Надежде, увидел, что она сидит, откинувшись на спинке кресла с закрытыми глазами. Когда я на нее посмотрел, ее каваяная светлость не открывая глаз едва заметно улыбнулась. Похоже, специально на меня так откровенно навалилась сейчас.

Мы не очень понимаем друг друга. Если в моем истинном восприятии, с высоты прежнего возраста, она совсем молодая девушка, и я свободно с ней общаюсь, то мой образ у нее противоположный. Какой-то наглый юнец, который на грани хамства позволяет себе откровенно пялиться, разговаривая без пиетета и привычного для нее подобострастия или хотя бы опаски. Она же темный маг, страшный и опасный – в этом мире таких все-все-все боятся. Кроме меня, потому что я в этом мире чужой, я не вижу разницы между обычным магом и темным.

Пока думал об этом, взгляд невольно соскользнул с измененного, такого незнакомого сейчас лица каваяной княгини на ее грудь, обтянутую тонкой тканью белой блузки. Как раз после вылета жакет она сняла, и...

Вдруг, не открывая глаз, Надежда положила мне руку на колено. Ее ладонь медленно поползла все выше и выше, двигаясь уже по внутренней стороне бедра. Она вдруг открыла глаза и поймала мой взгляд.

«Как ощущения?» – мыслеречью спросила она.

«Очень неожиданно, но приятно», – несколько растерявшись, выдал я честно про ощущения.

Надежда от моего ответа почему-то смутилась – на щеках румянец появился, руку она убрала, взгляд отвела.

– Примерно так я ощущаю твои взгляды, – вслух сказала она.

– А... – не нашелся я сразу что сказать. – Прямо тактильно ощущаешь?

– Да. Очень близко к этому.

– Я... я не отлыниваю от занятий по программе обучения ментального контроля, и надеюсь скоро достичь в этом прогресса.

Когда не знаешь, что отвечать начальству – говори общими отчетными фразами, рабочая формула. Вот только в этот раз передо мной было не обычное начальство, которое удовлетворяется подобным, а ее каваяная светлость. После моих слов она, не скрывая раздражения, отвела взгляд и не стала ничего объяснять. Самолет между тем уже совсем снизился, а через десяток секунд коснулся взлетно-посадочной полосы.

Пограничный контроль прошли быстро и без проблем – наши удостоверения не вызвали никаких вопросов. Но по плану вопросов они и не должны были вызвать, Надежда, по крайней

мере, была абсолютно спокойна и уверена. На выходе из аэропорта она через свой ассистант вызвала беспилотное городское такси.

Ожидание машины сложно было назвать комфортным: температура далеко за тридцать, плюс невероятная влажность. Не знаю, как там насчет типичной пустынной Австралии с собаками динго в прериях, но именно здесь, в Дарвине, климат больше похож на типичный для Юго-Восточной Азии.

На удушающей влажной жаре простояли совсем недолго, такси приехало меньше чем через две минуты. Когда сели на заднее сиденье, Надежда сообщила автопилоту, что нам нужно в отель «Парадайз». Сразу после ее слов я с интересом слушал и смотрел, как созданная на проекции лобового стекла говорящая голова сообщает нам, что отель «Парадайз» находится в районе, который обладает красным статусом и является неблагополучным. После этого говорящая голова запросила подтверждение того, что мы услышали и поняли сказанное. Именно мы – подтверждение требовалось от обоих пассажиров.

После того как оба подтвердили, говорящая голова еще раз сообщила нам об опасности – проговаривая текст в несколько иной интерпретации. Надежда снова подтвердила пункт назначения, после чего говорящая голова сообщила, что поездка будет оплачиваться по тройному тарифу, сумма будет списана прямо сейчас и не будет возвращена, если после пересечения КПП границы благополучных районов машина не сможет доехать до места назначения. И только после того, как Надежда в третий раз подтвердила согласие на озвученных условиях ехать в названный район, машина наконец тронулась с места.

Только сейчас, после столь навязчивой попытки автопилота отговорить нас от поездки в отель «Парадайз», я вдруг полностью осознал, что едем мы отнюдь не на увеселительный раут. По спине неприятно повело холодком страха; я даже покосился на смотрящую в окно Надежду, сохраняющую абсолютное спокойствие. Не сразу, но помогло.

Такси, между тем уже выехав со стоянки зоны прибытия по поднятой над землей магистрали виадука, покинуло аэропорт и повезло нас к месту назначения. Судя по отображенной на лобовом стекле информации, ехать нам предстояло один час и тридцать семь минут. Оглядываясь по сторонам, я сразу обратил внимание, что движение левостороннее. Кстати, в Японии моего мира ведь тоже левостороннее движение, а в Нагасаки я такого не заметил, там привычно все.

«Альбин, в Японии движении какое?»

«В Японии, как и во всех остальных странах Российской Конфедерации, движение правостороннее».

После того как покинули окрестности аэропорта, поначалу за окном проплывали благополучные кварталы. Довольно типичные для моего восприятия картины мегаполисов. Наблюдалось заметное смешение культур – на возвышающихся небоскребах я видел самые разные надписи на самых разных языках. В том числе и на русском, причем запомнилась мне огромное здание, судя по вывеске принадлежащее частной охранной компании «Ермак» – той самой, бойцы которой по «золотой» страховке прилетели выручать экстренно покинувшую наш дом через окно Прасковью Богдановну.

Постепенно замечал некоторые отличия от мегаполисов привычного мне мира. Например, множество снующих по улицам дронов доставки. В некоторых местах они буквально роем летали по воздушным трассам. Над улицами сновала не только доставка – когда один из массивных дронов прошел прямо над нашей машиной, я увидел, что он в полицейской раскраске.

Дронов насчитывалось огромное количество, а вот машин на дорогах совсем мало. При чем большая часть – такси и беспилотный общественный транспорт. Никаких пробок, соответственно, несмотря на невероятную плотность застройки.

«Альбин, а почему по Нагасаки доставка ездит на машинах с водителями, а здесь все без участия человека дронами летает?»

«Законы Российской Конфедерации обязуют собственников и организации нанимать граждан на работу, выбирая установленные нормативами квоты согласно площадям и размерам активов в управлении».

«А такое только в Российской Конфедерации?»

«Право на труд для граждан и подданных закреплено тем или иным образом во всем первом мире, как называют страны Большой Тройки».

Как интересно.

Пока я обдумывал очередные удивительные реалии нового мира, деловые кварталы и благополучные районы за окном постепенно заменялись кварталами обычными. Десятки, если не сотни, однотипных серых блоков-человейников, каждый не ниже тридцати этажей. Именно их я видел совсем недавно из иллюминатора.

В этих серых блочных районах почти полностью исчезла зелень, аллеи и парки. Остались только пальмы на широкой разделительной полосе дороги, а в остальном вокруг только асфальт и дома-дома-дома, даже неба не видно. Чисто вокруг, но как-то недружелюбно человеку, словно он здесь лишний; да и людей вокруг практически не видно. Как будто в Питере, на Парнасе или в Мурино в четыре утра оказался.

– Почему людей не видно? – поинтересовался я у Надежды.

Можно было, конечно, у Альбины спросить, но хотелось услышать Надежду. Как-то ободрает ее голос, ее спокойствие перед предстоящим нам... соревнованием, так скажем.

– Вирт, – лаконично ответила ее каваяная светлость.

Одного слова-пояснения оказалось достаточно. Неграждане с серым, околонулевым социальным статусом обязаны проводить в виртуальной реальности от четырех до десяти часов, в зависимости от уровня социального рейтинга. Я это и так знал, просто забыл.

Между тем серые блоки высоток, собранные в безликие одинаковые кварталы, закончились. Дорога расширилась рядов до восьми, мы оказались перед будками КПП – похожими на пункты сбора оплаты на платных магистралях. Вот только здесь по краям высокие сетчатые заборы, а по верху колючая проволока.

«Оптимистичненько», – охарактеризовал я про себя антураж.

КПП мы проехали, не останавливаясь – шлагбаум поднялся при приближении такси. Я догадался, что нас не останавливали, потому что личность при заказе такси была подтверждена, а наше сословное положение не предусматривает досмотра.

Проехали зону отчуждения между районами, петляя между гасящими разгон бетонными блоками, въехали на территорию красной зоны и... на удивление, ничего страшного не происходило. Обычные городские районы. Более, того, гораздо более симпатично и привычно для меня выглядящие.

Стало много зелени вокруг, по сторонам от дороги трех-пятиэтажные дома, пучки проводов на столбах, обилие рекламных вывесок. Кроме того, стоило отъехать от КПП, как на улицах появились люди. Машины, непрерывно сигналившие на перекрестках, множество мопедов, пешеходы, лотки с уличной едой; в тени навесов уличных кафе сидели люди, что-то пили, разговаривали. Я словно в Бангкоке снова оказался, был там в прошлой жизни, похоже.

– Что-то не напоминает это красную зону, – негромко произнес я.

– Дарвин нетипичный протекторат, я тебе уже говорила. А мы сейчас в Чайнатауне, здесь по факту практически нет полиции, а власть принадлежит уличным бандам.

– О как.

Расспрашивать Надежду дальше я не стал, заинтересованно глядя по сторонам. И по мере того как ехали по красной зоне, подмечал самые разные детали. Остовы двух сгоревших машин неподалеку от заправочной станции, вывески с рекламой продажи удовольствий, самых разных: женщины, вещества, зрелища. В том числе, кстати, зрелища обещали с помощью эмблемы Русского покера из четырех тузов. Отдельно заметил лавку, в которой торговали наркопивом –

судя по рекламным вывескам с наполненной ядрено-неоновой зеленой жидкостью бутылками на фоне узнаваемого листа растения. Врут, кстати, нет в наркопиве этого растения – химия сплошная, я в сети читал.

Вскоре мы проехали мимо перекрестка, на котором одно здание было практически разрушено, а соседние щерились выбитыми окнами с пятнами гари. Н-ну... даже с этим перекрестком не сильно тянет прямо вот на красную зону, где опасно выходить на улицу.

Чуть погодя зелени по сторонам стало все больше, дома все ниже, да и вообще скоро вдоль дорог стало видно только одни высокие заборы, за которыми угадывались роскошные особняки. Постепенно заборов вокруг становилось все меньше и меньше, мы уже реально в парковой зоне ехали. Куда ехали – стало понятно, когда дорога вывела нас практически к береговой линии, и мы поехали вдоль фешенебельных отелей, сделавших бы честь самому престижному курорту. Причем отели не громоздились друг на друга, когда за забором одного начинается следующий, а располагались на приличном удалении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.